

Бакунин Михаил. О нем

Биография, критика, исследования

- [Рябов Петр. Михаил Бакунин: биография, личность, вехи великой жизни \(Видеолекция\)](#)
- [Рябов Петр. Михаил Бакунин: Идеи \(Видеолекция\)](#)
- [Рябов Петр. Наследие, влияние, образ в культуре \(Видеолекция\)](#)
- [Панда. Гайд по Бакунину: “Государственность и анархия” за 10 минут](#)
- [Блок Александр. Михаил Александрович Бакунин](#)
- [Неттлау Макс. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина](#)
- [Катков Михаил. Кто наши революционеры? \(Характеристика Бакунина\)](#)
- [Рябов Петр. Михаил Бакунин](#)
- [Аврич Пол. Бакунин и Нечаев](#)
- [Библиография](#)

Рябов Петр. Михаил Бакунин: биография, личность, вехи великой жизни (Видеолекция)

<https://www.youtube.com/embed/AqoP6BSyV58?si=mLwvbqKnhmL2PNhV>

Сегодня мы начнем разговор о великом бунтаре, с наибольшей полнотой, силой и последовательностью выразившем дух анархизма — Михаиле Александровиче Бакуине. Мы поговорим о людях, окружающих его (а среди них — Александр Герцен и Иван Тургенев, Виссарион Белинский и Петр Чаадаев, Жорж Санд и Пьер Жозеф Прудон, Рихард Вагнер и Карл Маркс, Джузеппе Гарибальди и Сергей Нечаев). Об основных вехах его удивительной жизни: от философской юности среди «прямухинской гармонии» — к казематам Кенигштайна и Петропавловки и череде восстаний. Попытаемся понять психологические черты этого Дон Кихота Революции и Прометея Европы, и понять, почему Александр Блок призывал нас «занять огня у Бакунина!»

Рябов Петр. Михаил

Бакунин: Идеи

(Видеолекция)

<https://www.youtube.com/embed/Mxb69WK5bBQ?si=6t9XFsf21KWKKAbV>

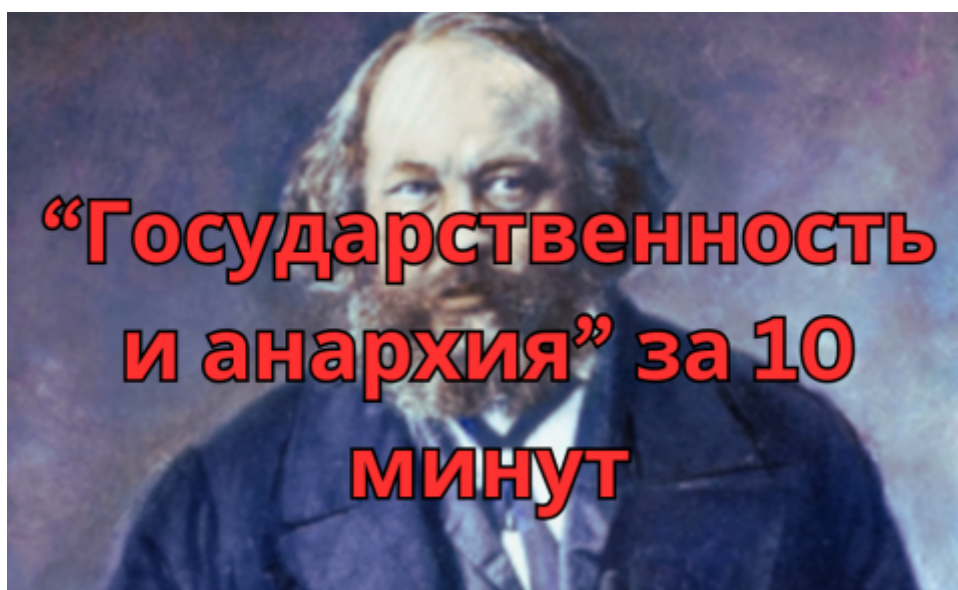
Продолжая знакомство с фигурой Михаил Бакунина, сегодня мы обратимся к его идейному наследию. Что такое «концепция убывающего авторитета» в педагогике? Как Бакунин понимал смысл истории и за что ненавидел государство? Что такое — его «антитеологизм»? Почему за полвека до начала тоталитарного большевистского правления Бакунин гениально предсказал его основные черты в своей критике авторитарного социализма Маркса? Можно ли считать бунтаря «панславистом»? Как он понимал «негативную диалектику» и почему принципиально отказывался от проектирования анархического идеала? Почему современный либертарный историк Александр Шубин назвал Михаила Бакунина «человеком из трех столетий»?

Рябов Петр. Наследие, влияние, образ в культуре (Видеолекция)

<https://www.youtube.com/embed/1mmMMd26CZA?si=HXUHm54-cEDZbWnd>

На последней лекции триптиха о Бакунине пойдет речь о его ближайших продолжателях, о его наследии и образе в мировой культуре. Мы поговорим о том, как воспринимали Михаила Александровича и как отобразили его в своем творчестве художник Ге и композитор Вагнер, поэты Блок и Волошин, писатели Алданов, Тургенев, Гуль, Федин, Стоппард, Корнилов, Бинек, мыслители Камю, Боровой, Бенъямин, Берлин, Масарик... Какие мифы созданы вокруг фигуры Бакунина? Почему он был вдохновителем русского народничества (от южных бунтарей до "Земли и Воли" и "Черного Передела") и всемирного анархического движения второй половины XIX века? Что из его личного опыта и философского наследия наиболее актуально для либертарианцев XX и XXI века?

Панда. Гайд по Бакунину: “Государственность и анархия” за 10 минут

2024, источник: [здесь](#).

Работа была опубликована в 1873 году в Цюрихе. Изначально автор задумывал ее в качестве двухтомника, однако второй том так и не был написан. Основная тема заявлена в подзаголовке: "Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих", хотя непосредственно данному вопросу посвящена лишь небольшая часть материала.

Для тех, кто вообще не знаком с творчеством Бакунина, рекомендуем прислушаться к совету Петра Рябова и начинать знакомство с труда “Федерализм, социализм и антитеологизм”. В целом, “Государственность и анархия” читается тяжело из-за пространных отклонений в историю европейских народов и международную политику XIX века. Самые ценные мысли высказаны в конце: о принципиальных различиях государственного социализма и анархизма, дилемме “бунт либо эволюция” и контрреволюционной сути патриархата.

Начинается книга с обзора текущего состояния борьбы с Интернационалом в Европе. Бакунин критикует государство, отмечая его агрессивный, завоевательный характер. Через призму итогов франко-прусской войны он обличает правящие классы дворянства и

буржуазии, заявляя о невозможности их сотрудничества с пролетариатом.

На примере французской политики он атакует идеи патриотизма и демократической республики, приравнивая ее к монархии:

“Народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народной”.

Бакунин анализирует возможности для начала социальной революции в разных странах Европы, отдавая предпочтение Испании и Италии. Он отвергает панславизм, считая, что объединение славян в одно государство под лидирующей ролью России только ухудшит положение пролетариата:

“Чем обширнее государство, тем тяжелее цепи и тем теснее тюрьма”.

Далее Бакунин возвращается к критике республиканцев, парламентов и всеобщего избирательного права, утверждая, что:

“Политическая свобода без экономического равенства и вообще политическая свобода, т.е. свобода в государстве, есть ложь”.

В качестве негативных примеров приводятся Сербия и Пьемонт. Альтернативу он видит в организации рабочих фабричных и земледельческих ассоциаций на базе программы Интернационала, впрочем, не вдаваясь в подробности.

О России Михаил Бакунин пишет горькие, но настолько меткие слова, что, сказанные сейчас, они бы не утратили актуальности. Внутренняя жизнь в России обустроена только для нескольких тысяч людей во главе с императором. А для остальных она:

“Злодейка-мачеха, безжалостная обирательница и в гроб загоняющая мучительница. <...> Народ инстинктивно ее ненавидит, а она неизбежно его гнетет, так как на народной беде построено все ее существование и сила”.

Бакунин не верит в возможность реформизма, призывая русских уничтожить империю:

“Полезная конституция для народа может быть только одна - разрушение империи”

Автор скептически оценивает потенциал российского государства оспорить гегемонию Бисмарка в Европе:

“Никакая война наступательная, предпринятая нашим правительством, не будет национальной в России. <...> Государство - это его (народа - прим.) тюрьма. Какая же ему нужна укреплять свою тюрьму? Во-вторых, между правительством и народом нет никакой связи, ни одной живой нити, которая могла бы соединить их <...>”.

Не только отсутствие народной поддержки, но и коррупция в рядах госслужащих станет препятствием для завоевательных войн, считает Бакунин:

“Казенное повсеместное воровство, казнокрадство и народообирание есть самое верное выражение русской государственной цивилизации”.

Далее он переходит к обзору немецкой истории, выражая явную германофобию, будто немцы обладают рабской ментальностью, более других склонны к дисциплине, иерархии, и навязывают свое видение остальной Европе. Мимоходом в этой антинемецкой тираде достается Георгу Гегелю и его последователям - революционным гегельянкам. Бакунин полагает, что гегелевская философия слишком абстрактна, оторвана от жизни и не имеет связи с природой, действительностью.

Затронув тему философии, Бакунин не обошел стороной и модный в те времена позитивизм:

“Метафизики или позитивисты, все эти рыцари науки и мысли, во имя которых они считают себя призванными предписывать законы жизни, все они, сознательно или бессознательно, реакционеры”.

Он выступает против навязывания народу какой-либо научно-политической доктрины со стороны ученых, определяя цель анархистов уничтожить всякую государственную власть, а народ “помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий сам создаст свою жизнь”.

Бакунин предостерегает от установления революционной диктатуры, основанной на мнимом народном представительстве, говоря, что разница между революционной

диктатурой и государством будет “только во внешней обстановке”.

В рамках поверхностного обзора немецкой политической мысли 19-го века автор останавливается на Карле Марксе, давая ему оценку и как человеку, и как социальному философу. Положительно отмечая его ученость и энергичность, Бакунин крайне негативно характеризует личные качества немецкого коммуниста:

“Нет такой лжи, клеветы, которой бы он не был способен выдумать и распространить против того, кто имел несчастье возбудить его ревность или, что все равно, его ненависть”.

Видимо, тут проявилась сложная история взаимоотношений между двумя бывшими соратниками. Маркс даже когда-то написал в своей газете, что Бакунин является шпионом российского царя. Тем не менее, при анализе марксизма автор старается быть объективным, упоминая влияние рикардианцев, Гегеля и французских социалистов на учение своего визави. Далее он высказывает любопытную мысль:

“<...> В отношении политическом господин Маркс прямой ученик Луи Блана” .

После долгого отклонения в историю Германии, естественно, с тем же нарративом германофобии, к этим двоим Бакунин причисляет третьего - лидера немецких социал-демократов Фердинанда Лассаля, небезосновательно приведя их под общий знаменатель: стремление к основанию народного государства, которое бы выражало интересы пролетариата. Он цитирует Манифест международного общества, написанный Карлом Марксом в 1864 году:

“Первый шаг к революции рабочих должен состоять в возвышении пролетариата на степень господствующего сословия. Пролетариат должен сосредоточить все орудия производства в руках государства <...>”.

Бакунин обрушивается на них с рьяной критикой. Это важный момент в книге, поскольку он показывает фундаментальные отличия между анархизмом и государственным социализмом. Приведем его некоторые аргументы в виде цитат:

“Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой

пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов <...>”.

“Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом <...> - ложь, за которую кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли”.

Бакунин считает, что после избрания представителей работников во власть они будут представлять уже не народ, а “себя и свои притязания на управление народом”. Позже, в 1911 году, социолог Роберт Михельс эмпирически докажет данный тезис в своем исследовании “Политические партии”, в котором выведет Железный закон олигархии.

Бакунин указывает на противоречие между целью и средством марксистов: цель - безгосударственная свободная организация экономических интересов и общин, средство - диктатура пролетариата в государстве. Будто бы всякое управление в государстве окажется ненужным и оно естественным образом отомрет. То есть, свобода - цель, диктатура - средство.

“Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным?”

В завершении он метнул еще пару стрел в Лассалья, Маркса и Либкнехта, обвинив их в поддержке германского империализма, при этом смешивая здравые аргументы с откровенно антинемецкими пассажами в духе: “немец создан в одно и то же время для рабства и для господства”. Стоит отметить, что в книге вскользь попадаются и антисемитские фразы, хотя какого-то раскрытия их по смыслу, в отличие от германофобии, у Бакунина нет.

После основного текста, никак не структурированного по разделам или параграфам, идет два “прибавления”.

В Прибавлении А автор начинает с привычной для него атаки на позитивизм и кабинетных ученых-анархистов. Но далее раскрывает интересную тему о средствах для достижения политических целей анархистов. Михаил Бакунин выделяет два пути: революционный - через организацию всенародного бунта, и мирный - через медленное преобразование экономического быта капитализма, а именно: создавать трудовые артели, кредитные и

потребительские кооперативы.

Бакунин считает второй, мирный путь нереализуемым, ссылаясь на конгрессы Интернационала и, как ни странно, на Лассалья: для победы кооперации необходимо, чтобы земля и капитал во всех видах сделались коллективной собственностью. До тех пор, пока этого не случится, кооперация будет раздавлена в условиях конкуренции с большим капиталом и земельными латифундистами. Он скептически относился к перспективах развития кооперативного движения в России, хотя уже через несколько десятилетий после написании “Государственности и анархии” в кооперативах будут участвовать миллионы жителей Российской империи.

Бакунин считает, что в представлении народа сформировался некий всеобщий идеал, который он формирует в трех пунктах:

1. земля должна принадлежать народу;
2. право пользования ею принадлежит не лицу, а общине;
3. общинное самоуправление как антипод государству.

Воплотить в жизнь данную социально-экономическую программу мешают “затемняющие черты” народа:

1. патриархальность;
2. поглощение лица миром;
3. вера в царя.

“Патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами. <...> Деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата”.

Далее автор опять возвращается к дилемме “бунт либо эволюция”, в этот раз критикую идею создания утопических коммун. В качестве неудавшегося примера он упоминает Новую Икарию Этьена Кабе, отмечая, что даже в случае успеха это будет лишь капля в море, а результаты - недостаточны для освобождения всего народа. Единственным правильным решением он считает организацию всенародного бунта, преодоление замкнутости и разъединения общин.

В Прибавлении Б выложена политическая программа славянской секции в Цюрихе Международного общества рабочих. Она состоит из 14 пунктов, предусматривающих “уничтожение государства, права собственности и юридической семьи”, гендерное равенство, материализм и атеизм.

Блок Александр. Михаил Александрович Бакунин

Источник: [здесь](#).

Тридцать лет прошло со смерти «апостола анархии» – Бакунина. Тридцать лет шеренга чиновников в черных сюртуках старалась заслонить от наших взоров тот костер, на котором сам он сжег свою жизнь. Костер был сложен из сырых поленьев, проплывших по многоводным русским рекам; трещали и плакали поленья, и дым шел коромыслом; наконец взвился огонь, и чиновники сами заплакали, стали плясать и корчиться: греть нечего, остались только кожа да кости, да и сгореть бояться. Чиновники плюются и корчатся, а мы читаем Бакунина и слушаем свист огня.

Имя «Бакунин» – не потухающий, может быть еще не расплавленный, костер. Страстные споры вокруг этого костра – да будут они так же пламенны и высоки, чтобы сгорела мелкая рознь! Бедная литература о Бакунине растет: в первый же год «свободы» вышло уже пять отдельных книжек; правда, пока больше охаживают Бакунина, процеживают классические слова Герцена о нем[1], а «полного собрания» еще долго ждать. Из трех очерков о Бакунине, вышедших в этом году, наиболее яркое впечатление производит очерк г. Андерсона («Борцы освободительного движения. М. А. Бакунин», СПб.). Автор сумел отметить то вечное, что очищает и облагораживает всякий запыленный факт, поднимает его на воздух, предавая его солнечным лучам. Очерк Андерсона написан литературнее двух других. Драгоманов[2] – серьезный исследователь, известный знаток Бакунина, – и не задавался, впрочем, общими целями; он рассматривает Бакунина как политического деятеля по преимуществу. Третий автор, г. Кульчицкий («М. А. Бакунин, его идеи и деятельность», СПб.)[3], пишет отрывочно, политиканствует и кое о чем умалчивает, считая Бакунина «прежде всего – человеком дела».

Бакунин – одно из замечательнейших распутий русской жизни. Кажется, только она одна способна огораживать мир такими произведениями. Целая туча острейших противоречий громоздится в одной душе: «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень» – из всего этого Бакунину не хватало разве стихов – в смысле гармонии; он и не пел никогда, а, если можно так выразиться, вопил на всю Европу, или «ревел, как белуга», грандиозно и безобразно, чисто по-русски. Сидела в нем какая-то пьяная бесшабашность русских кабаков: способный к деятельности самой кипучей, к предприятиям, которые могут привидеться разве во сне или за чтением Купера, – Бакунин был вместе с тем ленивый и сырой человек – вечно в поту, с огромным телом, с львиной гривой, с припухшими веками, похожими на собачьи, как часто бывает у русских дворян. В нем уживалась доброта и крайне неудобная в общежитии широта отношений к денежной собственности друзей – с глубоким и холодным эгоизмом.

Как будто струсив перед пустой дуэлью (с им же оскорбленным Катковым[4]), Бакунин немедленно поставил на карту все: жизнь свою и жизнь сотен людей, Дрезденскую Мадонну и случайную жену, дружбу и доверие доброго губернатора[5] и матушку Россию, прикидывая к ней все окраины и все славянские земли. Только гениальный забулдыга мог так шутить и играть с огнем. Подняв своими руками восстания в Праге и Дрездене, Бакунин просидел девять лет в тюрьмах – немецких, австрийских и русских, месяцами был прикован цепью к стене, бежал из сибирской ссылки и, объехав весь земной шар в качестве – сначала узника, потом – ссыльного и, наконец, – торжествующего беглеца, остановился недалеко от исходного пункта своего путешествия – в Лондоне.

Здесь, с первых же дней, с энергией ничуть не ослабевшей, Бакунин стал действовать в прежнем направлении. Кто только не знал его и не отдавал ему должного! Все, начиная с императора Николая, который сказал о нем: «Он умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать взаперти», [6] – и до какого-то захудалого итальянского мужика, который не разлучался с ним в последние годы и прятал шестидесятилетнего анархиста в сено после неудачного Болонского восстания.[7]

О Бакунине можно писать сказку. Его личность окружена невылазными анекдотами, легендами, сценами, уморительными, трогательными или драматическими. Есть случаи из Рокамболя и Дюма, например история снаряжения корабля с оружием для Польши – утлой посудины с командой из каких-то добровольных головорезов, польских офицеров, солдат всех национальностей – до кафров и малайцев включительно, – доктора, типографа и двух аптекарей. Интересно, что в участи своей посудины Бакунину удалось заинтересовать брата шведского короля, шведских министров и влиятельных лиц; и все-таки дело кончилось ничем: всеславянский Арго оказался старой калошей и был растрепан шквалом, напрасно стараясь приткнуться то к немецким, то к шведским берегам. Половина команды пошла ко дну, а оружие забрал шведский фрегат.[8]

Писал Бакунин много, но большей части своих писаний не кончил; они и до сих пор в рукописях. Бакунин противоречил себе постоянно, но, конечно, «без злого умысла». То же хочется думать о «сомнительных» поступках его, около которых спорят и горячатся, склоняясь то к осуждению, то к оправданию. Если Катков, близко зная Бакунина, не мог быть хладнокровным и отказывал ему даже в искренности,[9] – то мы, уж наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня. Да и человек Бакунин был не житейский, – и это не всегда в похвалу ему: то, что доставляло легкие средства освобождения от всякого комфорта, тормозящего деятельность, – тоже приводило к схеме и отвлеченности; отвлеченность вела к противоречиям, давала возможность наскоро соединять несоединимое.

Искать Бога и отрицать его; быть отчаянным «нигилистом» и верить в свою деятельность так, как верили, вероятно, Александр Македонский или Наполеон; презирать все установившиеся порядки, начиная от государственного строя и общественных укладов и кончая крышей собственного жилища, пищей, одеждой, сном, – все это было для Бакунина не словом, а делом. Как ни странно, – образ его чем-то напоминает образ Владимира Соловьева.[10] Удивительно, что это сходство простирается еще дальше – куда-то вглубь семьи. Мне приходилось слышать немало семейных воспоминаний о Соловьеве и Бакунине;

в тех и других звучит одна, быть может, музыка – музыка старых русских семей, совсем умолкающая теперь в молодых рамоликах и брюзжащих дегенератах.

Можно ли брать с Бакунина пример для жизни? Конечно, нет. Нет, потому одному, что такие люди только рождаются. Такая необычайная последовательность и гармония противоречий не даются никакими упражнениями. Но эта «синтетичность» все-таки как-то дразнит наши половинчатые, расколотые души. Их раскололо то сознание, которого не было у Бакунина. Он над гегелевской тезой и антитезой возвел скоропалительный, но великолепный синтез, великолепный потому, что им он жил, мыслил, страдал, творил. Перед нами – новое море «тез» и «антитез». Займем огня у Бакунина! Только в огне расплавится скорбь, только молнией разрешится буря: «Воздух полон, чреват бурями! И потому мы зовем наших ослепленных братьев: покайтесь, покайтесь, царство Божие близко! – Мы говорим позитивистам: откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвым хоронить своих мертвецов и убедитесь наконец, что духа, вечно юного, вечно новорожденного, нечего искать в упавших развалинах... Позвольте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть».[11] Это говорит молодой Бакунин, но то же повторит и старый. Вот почему имя его смотрит на нас из истории рядом с многошумными именами. Хорошо узнать Бакунина, страстно и пристально взглянуть в его глаза, на лицо, успокоенное только смертью: бури избородили его. «Бакунин во многом виноват и грешен, – писал Белинский, – но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки, – это вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа». Переведем эти старые, «гуманные» слова на вечно новый язык. Скажем: огонь.

Октябрь 1906

Примечания

1 В книгах о Бакунине, упоминаемых Блоком, часто приводились слова Герцена о Бакунине из дневника 1842 г. (март): «Меня, если б знали во всех изгибах, поставили бы, может, на одну доску с Бакуниным, т. е. талант и дрянной характер». Подробную характеристику Бакунина см.: А. И. Герцен. Былое и думы, ч. VII, гл. IV.

2 М. П. Драгоманов. Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк. Казань, 1905.

3 См.: Л. Кульчицкий. М. А. Бакунин, его идеи и деятельность. СПб., 1906(?), с.5.

4 Катков обвинил Бакунина в распространении о нем сплетни. Вызвав Каткова на дуэль, Бакунин предложил провести ее за границей, ссылаясь на строгость русских законов.

5 Блок имеет ввиду следующие события из жизни Бакунина. Во время Дрезденского восстания (1849) Бакунин предложил выставить на баррикадах шедевры Дрезденской галереи, полагая, что прусские войска остерегутся стрелять по ним из «эстетических» соображений. Бакунин, нарушив слово, данное им своему родственнику, генерал-

губернатору Муравьеву, бежал из Иркутска (1861) через Японию в Америку, оставив в Иркутске свою жену. (Насколько нам известно, не существует документального подтверждения того, что Бакунин действительно предлагал выставить произведения искусства на баррикады. – прим. ред.)

6 См.: А. И. Герцен, там же.

7 См.: В. М. Андерсон. Борцы освободительного движения. М. А. Бакунин. СПб. 1906, с.55.

8 См.:А. И. Герцен, там же.

9 Блок имеет ввиду статью М. Н. Каткова, которую цитирует В. М. Андерсон в своей книге, с.19-20.

10 В. Соловьев не интересовался бытом, вел неупорядоченный образ жизни.

11 Блок цитирует статью Бакунина «Реакция в Германии» (вероятно по книге М. Драгоманова), которая заставила Белинского изменить свою точку зрения на Бакунина, о чем он и писал Н. А. Бакунину в приводимом ниже Блоком письме от 7 ноября 1842 г.

Неттлау Макс. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина

1920, источник: [здесь](#). Q.A.: Предупреждение биографической энциклопедии:
Пер. с нем. изд., вышедшего в 1901, пер. плохой, текст не проредактирован.

Прим. переводчика: Брошюра эта написана в 1901 году.

Михаил Бакунин (1814–1876)

Михаил Бакунин родился в русской дворянской семье, родословная которой восходит к 17-ому столетию. Согласно преданию предки Бакунина иммигрировали в Россию из Трансильвании. Отец его еще ребенком был отправлен вместе с русским посольством во Флоренцию и прожил в этом городе и в Неаполе до 35-летнего возраста, состоя на дипломатической службе. После его возвращения в Россию ему вскоре надоела столичная, придворная жизнь. Он уехал на постоянное жительство в свое имение и в сорокалетнем возрасте женился на 18-летней девушке из семьи Муравьевых. От этого брака родилось 11 детей – 6 сыновей и 5 дочерей; Михаил Бакунин был старшим сыном (родился 8/20 мая 1814 г.) Бакунин описал свои детские годы, проведенные в родном селе Прямухине Торжковского

уезда, Тверской губернии, в автобиографическом очерке «История моей жизни», впервые напечатанном в «Société Nouvelle» (Брюссель, сентябрь 1896 г.). В этом очерке он рассказывает что он был очень привязан к своему отцу. Это был умеренный либерал, просвещенный человек, принимавший участие в одном из декабристских кружков, что осталось впрочем необнаруженным. Однако печальный исход всех свободлюбивых стремлений, разочарование в российской действительности, а также и влияние жены, холодно относившейся к его гуманитарным взглядам, все это привело к тому что он отказался от своих идей и стал крайне осторожным скептиком. Благодаря отцу Бакунин получил более или менее свободное воспитание. Так, например, ему не прививали никаких религиозных верований, ограничившись тем, что познакомили его с внешней обрядовой стороной православия. С другой стороны отец старался по возможности оградить детей от ознакомления с действительным положением народа, напр. с крепостничеством, опасаясь, что это может вызвать в них дух недовольства существующим строем. Он охотно давал детям читать описания путешествий, производившие на Михаила Бакунина сильное впечатление, возбуждавшие его воображение и вызывавшие в нем желание самому пережить подобные приключения, так что одно время он даже, как говорят, помышлял о бегстве из родительского дома. Он провел таким образом счастливое детство, не зная ничего о суровых сторонах жизни.

За три года (1829–1832 г. г.) он окончил петербургское артиллерийское училище. У нас нет непосредственных источников, по которым мы могли бы получить ясное представление об его жизни в течение этого периода. Остается поэтому невыясненным, почему он, несмотря на успешное окончание училища и связи своей семьи, дававшие ему возможность поступить в гвардейскую артиллерию в Петербурге, был послан в чине прапорщика в полк, стоявший в Минской губернии.

Там он провел в захолустном местечке два года, будучи свидетелем всевозможных угнетений, которым население подвергалось после подавления польского восстания, «Служба» совершенно его не интересовала; он много читал, и наконец сам оборвал свою карьеру, подавши в отставку в 1834 г. Несмотря на то, что этот поступок вряд ли находился в соответствии с планами его отца, последний очевидно ничем не проявил своего недовольства, так как мы не встречаем никаких следов вмешательства отца в его дальнейшую жизнь. Следующие шесть лет (до 1840г.) он провел большей частью в Москве, где он жил то один, то вместе с друзьями; летом же он обычно жил в Прямухине в кругу своей семьи, и только в 1840 г. он посетил Петербург.

Эти годы Бакунин посвятил страстному изучению философии и на этой почве вступил в тесную связь с наиболее прогрессивными московскими и петербургскими студентами. Он сумел с исключительной яркостью постичь учения некоторых философов и комментировать их в бесчисленных разносторонних дискуссиях с друзьями; он весь ушел в абстрактное мышление и больше чем когда либо отдалился от действительной жизни. Весной 1835 г. он вступил в переписку со Станкевичем и встретился с ним лично в ноябре того же года. В это время он занимался чтением сочинений французских философов, в том числе Кондильяка. Станкевич привлек его к изучению Канта и Фихте. Бакунин стал восторженным последователем Фихте, и первой его напечатанной работой был перевод сочинения Фихте «Несколько лекций о призвании ученого». («Телескоп», 1836 г.). Последователем Фихте был

в то время также и Белинский, который после скорого отъезда Станкевича (1837 г.) стал ближайшим и вместе с тем самым выдающимся из друзей Бакунина. Он провел несколько месяцев в семье Бакунина, в Прямухине (летом 1836 г.), и с энтузиазмом вспоминал потом об этом времени. Только в 1837 г. друзья приступили к изучению философии Гегеля, которая вскоре оказала колоссальное, для нас теперь непонятное, влияние на все мышление и на все воззрения этих кружков. Первой самостоятельной работой М. Б. было предисловие к переводу «Гимназических речей» Гегеля («Московский Наблюдатель», 1838 г., март-апрель); следующей работой была неоконченная статья «О философии» («Отечественные Записки», т. IX, 1840 г.).

Осенью 1839 г. кружок М. В. познакомился с Александром Герценом и его друзьями, возвратившимися в Москву из провинции, куда они были сосланы, и тогда произошло весьма острое столкновение между московскими гегельянами, не останавливавшимися перед тем, чтобы распространить положение «все существующее разумно, раз оно существует» также и на позорнейшие явления российской действительности, с одной стороны, и кружком Герцена – свободомыслящими, республиканцами, сочувствующими французскому социализму, – с другой. В результате каждая из двух сторон осталась пока при своих взглядах, но благодаря ознакомлению с кругом идей противника обе стороны извлекли большую пользу из этих дискуссий.

В 1840 г. после краткого пребывания в Петербурге Бакунин стал готовиться к отъезду в Берлин с целью изучения немецкой философии в тамошнем университете. Возможно, что он рассчитывал добиться современем в России профессорской кафедры по философии. Во всяком случае он почувствовал потребность покончить с бездеятельной жизнью, которая, как он опасался, должна была привести его к «самому большому несчастью – к постепенному опошлению». Он выехал в июле или августе 1840 г. из Петербурга в Берлин, где уже со следующего зимнего семестра стал посещать университет.

Внутренний процесс превращения Бакунина из консервативного в революционного гегельянца очень ясно вырисовывается из следующих результатов. Профессора Вердера, пользовавшегося тогда большой славой в качестве красноречивого излагателя гегелевской системы, Бакунин был вынужден признать поверхностным краснобаем, который в своем стремлении к компромиссам избегает доводить идеи Гегеля до их логического конца. Он также присутствовал при полном фиаско Шеллинга, впервые выступившего зимой 1841–42 гг. с изложением своей реакционной системы. По этому поводу появилась в Лейпциге, в 1842 г. брошюра анонимного автора, которая, согласно письму А. Руге к Розенкранцу (апрель 1842 г.), была написана Бакуниным, жившим тогда уже в Дрездене. Ее заключительные страницы впервые показывают нам революционного Бакунина, увлекающегося Фейербахом. Он призывает «рискнуть наконец своей жизнью в последней священной войне, за которой последует тысячелетнее царство свободы»... «...великий решительный день, день сражения народов приближается, победа должна быть на нашей стороне». В этих вдохновенных призывах он говорит правда пока только о философском бое, но все же они прежде всего обнаруживают темперамент, победивший наконец покой абстрактного мышления.

В Берлине Бакунин жил несколько времени вместе с Тургеневым. Там же он познакомился с Фарнгагеном фон Энзе, сохранившим навсегда к нему чувство глубокой симпатии. Летом 1841 г. он ездил в курорт Эмс. Когда он оставил Берлин, неизвестно. Весной 1842 г. он был уже в Дрездене, где он близко сошелся с Арнольдом Руге и его друзьями, группой радикальнейших гегельянцев. Его брат Павел и Тургенев также прожили некоторое время в Дрездене, и там же Бакунин познакомился с музыкантом Адольфом Рейхелем, происходившим родом из Восточной Пруссии, и приобрел в его лице истинного друга на всю жизнь.

Опубликование сочинения Бакунина «Реакция в Германии. Письмо француза» в журнале «Deutsche Jahrbücher» (17–21 октября 1842 г.), выходившем под редакцией Руге, представляет собою поворотный пункт в его жизни. Статья эта подписана псевдонимом «Жюль Элизар», но авторство Бакунина не сохранилось в тайне, и таким образом не приходилось больше думать о преподавании в русском университете. Бакунин, впрочем, уже давно был и без того скомпрометирован в политическом отношении благодаря своим связям с радикальнейшими немецкими кругами, а также и с поляками. Статья эта направлена против половинчатых и тепловатых, компромиссных течений. Заключительные слова статьи общеизвестны, менее известен весь заключительный абзац: «Будем-те же доверять вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он является непостижимо глубоким и вечно творящим источником жизни. – Дух разрушения есть в то же время созидаящий дух!»

В начале ноября 1842 г. в Дрезден приехал Гервег, путешествовавший тогда по Германии, и остановился у Бакунина. Спустя несколько недель положение Бакунина стало непрочным очевидно он не согласился на требования неофициального характера вернуться в Россию, а Саксония, где вскоре после этого был закрыт журнал Руге, не могла считаться безопасным для него убежищем. Вследствие этого он уехал вместе с Гервегом из Лейпцига в Швейцарию (через Страсбург) в начале января 1845 г.

В Цюрихе он прожил несколько месяцев, приятно проведенных в кружках тогдашних тамошних немецких радикалов, среди которых были Юлиус Фребель, Август Фоллен и др. Его боевое жизнерадостное настроение обнаруживается в написанном в мае 1843 г. и напечатанном в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher» (Париж, 1844 г.) письме его к Руге, под заглавием: «В. an R.» Уже в его статье, появившейся в октябре 1842 г., Бакунин проявляет большой интерес к социализму, но преимущественно в философском смысле. Остается неизвестным с каким из социалистических течений он познакомился раньше; во всяком случае романы Жорж-Занд, находившейся тогда под влиянием Пьера Леру, произвели на него сильное впечатление. Но в Цюрихе он вступил в прямые сношения с немецкими коммунистами вейтлинговского направления и в течение короткого периода времени с самим Вейтлингом, и с тех пор (а может быть еще со времени, когда он жил в Дрездене) воспринял социализм со всеми его крайними выводами. При этом он однако не проникся столь распространенной тогда верой в определенную спасительную систему и не соглашался жертвовать свободой в пользу равенства. Темперамент и философское образование заставляли его прежде всего крепко держаться принципов свободы и революции, так что он вскоре перерос кружки рабочего коммунизма Вейтлинга, Августа Бекера и др., или вернее – он никогда к ним и не принадлежал. Кабэ также не оказал на

него никакого влияния, впоследствии его не мог привлечь на свою сторону Маркс, и сочувствовал он только взглядам Прудона, за исключением философских воззрений последнего. Одним словом, можно сказать, что, отбросивши консервативное гегельянство, державшее его мысль в оковах с 1837 г. до 1840 г., Бакунин быстро и уверенно пришел по существу к своим позднейшим воззрениям, не веря в реальность какойнибудь компромиссной точки зрения.

Несколько анонимных статей Бакунина под общим заголовком «Коммунизм» появилось в журнале Фребеля «Der Schweizerische Republikaner» (Цюрих, 2, 6, 13 июня 1843 г.). В ночь с 8-го на 9-го июня был арестован в Цюрихе Бейтлинг, и Бакунин должен был тогда немедленно покинуть этот город. Пользовавшийся печальной известностью Блюнчли опубликовал его фамилию, найденную в бумагах Вейтлинга (21 июля). Русский посол в Берне немедленно потребовал от цюрихского правительства доставления сведений о Бакунине, и таким образом впервые против него началось официальное следствие. Бакунин уехал в Проманту под Нионом, на Женевском озере, где он поселился в доме итальянского эмигранта Пескантини. В течение следующих месяцев он жил также в Женеве и Лозанне, где он встречался с немецкими коммунистами и сторонниками «Молодой Германии». Вслед за этим он совершил путешествие по Альпам вместе с Рейхелем и Августом Бекером (Шамони, долина Роны, Мейринген, Гримсель к т. д.). Наконец он в октябре приехал из Ниона в Берн, где завязал тесное знакомство с семейством Фохтов, находившимся в родстве с Фолленом. Но в феврале 1844 г. он был вызван русским послом в Берне, сообщившим ему о приказе немедленно возвратиться в Россию. Тогда он предпочел покинуть Швейцарию и в середине февраля выехал в Брюссель.

Там он виделся с несколькими поляками, в том числе с Лелевелем, а также с русскими знакомыми, проезжавшими в Париж через Брюссель. Сам он впервые поехал в Париж в мае, а в середине июля 1844 г. он поехал туда вторично, и на этот раз он там остался жить.

В течение следующих лет Бакунин познакомился с самыми разнообразными прогрессивными кругами Парижа; при этом он однако сохранил свою независимость и лучше всего чувствовал себя в маленьком кружке действительно свободомыслящих людей, в числе которых были Рейхель, Гервег и его жена, Прудон и впоследствии Герцен. Также хорошо он чувствовал себя в описанном Карлом Фохтом веселом обществе естествоиспытателей и любителей в Сен-Серване под Сен-Мало, где он жил летом 1845 г. Он близко познакомился с кружком «Форвертс» (Париж, 1844 г.), но чем ближе он узнавал французов, тем больше он удалялся от немцев, за исключением упомянутых личных друзей. Мелкая душа Руге, начавшего тогда уже опускаться, и злой характер Карла Маркса, затмевавший его блестящие способности, показали ему, что революции нечего ждать от этих кружков филистеров и педантов. Я не буду называть имена тех многих французов, с которыми он вел знакомство и из которых каждый почти имел особую социалистическую систему для собственного потребления. Большой интерес представляют его встречи с Прудоном, с которым он однажды имел дискуссию, продолжавшуюся целую ночь до утра. Многие из русских друзей Бакунина приехали в то время в Париж; в 1847 году приехал Герцен и позже безнадежно больной Белинский. В эти годы в печати мало что появилось принадлежавшее перу Бакунина. 27 января 1845 г. появилось его письмо в «Reforme», после того как он, в конце декабря, был заочно осужден к лишению всех прав состояния и к пожизненной

ссылке в Сибирь. В этом письме он впервые высказался по поводу положения дел в России. 12 марта 1846 г. он поместил письмо в «Constitutionnel» о жестокостях русского правительства в Польше. В октябре 1844 г. он написал «Изложение и развитие идей Фейербаха», которое никогда не было напечатано. Это были для него интересные годы, течение которых он узнал много нового. Но в то же время это были для него годы горьких разочарований, так как столь страстно и с такой уверенностью ожидавшаяся им революция все еще не приходила. Бакунин сделал ей шаг на встречу, выступив 29 ноября 1847 года со своей известной речью на польском собрании. Это было его первое публичное выступление, и он бросил тогда в лицо официальной России выражение своего презрения и стыда за нее. Следствием этого выступления было его изгнание из Франции (декабрь 1847 г.). Не ограничившись этим, министр граф Дюшатель, подстрекаемый русским послом Киселевым, пытался возвести на Бакунина гнусное обвинение, на которое Бакунин дал ему достойный ответ («Réforme», 11 февраля 1848 г.).

Он уехал тогда в Брюссель, где вращался в польских кругах и где он опять встретился с кружком Маркса, от которого у него осталось неприятное впечатление. Вряд ли ему удалось бы долго удержаться в Брюсселе, и поэтому он уже подумывал о переезде в Лондон, но известие о парижской февральской революции заставило его немедленно возвратиться в Париж. Первые свои впечатления о новой революции он изложил в статье, напечатанной тогда в парижской «Réforme». Так пришла наконец революция, которую он так долго и страстно ожидал.

Я ограничиваюсь здесь только очень беглым обзором планов и деятельности Бакунина в течение 1848–49 гг., так как более подробное резюме деятельности его в этот период я поместил в берлинском журнале «Socialistische Monatshefte» за 1898 г. – Он предвидел с самого начала, что временные победы в феврале и марте еще не обеспечивали торжества революции и что необходимо ее углубление, иначе поднимавшая голову реакция отнимет все ее завоевания. Он видел, что дальнейшее развитие революции может явиться только следствием совместного действия демократических партий всех стран, чему реакция старалась воспрепятствовать путем возбуждения национальной ненависти и приготовления национальных войн. Своей личной задачей, к выполнению которой едва ли был подставлен кто либо иной, он считал революционизирование славян для того, чтобы они могли примкнуть к европейской революции вместо того, чтобы стать орудием реакции, которая, как это и случилось в действительности, могла их толкнуть на путь национальной ненависти. Это была очень трудная задача; у него не было точки опоры, он должен был сам создать для себя все средства и помощников. В глазах всех «солидных» демократов, за исключением немногих, он постоянно являлся беспокойным человеком, мешавшим им предаваться опять отдыху и погрузиться в спокойный сон. Вследствие этого его деятельность дала тогда больше планов и попыток, чем конкретных результатов. Но он все же остается одним из немногих людей, которые отдавали себе в 1848 г. ясный отчет в действительном положении дела и поднялись над иллюзиями и ошибками масс.

После несколько счастливых недель, проведенных в атмосфере энтузиазма февральских и мартовских дней, когда отовсюду приходили известия о победе революции, Бакунин оставил Париж в начале апреля, уже несколько разочарованный. Его ближайшим

намерением было присоединиться к ожидавшейся польской революции и попытаться перенести ее внутрь России. С этой целью он поехал в Бреславль, тогдашний центр польского движения, где он принял участие в организованных Дембинским в начале мая польских совещаниях. По пути он заехал в Франкфурт, где он познакомился с целым рядом немецких демократов; в Кельн, где он окончательно порвал с Марксом и Энгельсом из-за осуждения своего друга Гервега; в Берлин, где полиция сначала стала его беспокоить, но потом – это было месяц спустя после 18 марта – оставила его в покое, и наконец в Лейпциг, где он опять встретился с Руге. Вслед затем он появился на славянском конгрессе, состоявшемся в начале июня в Праге, где он выступил с пропагандой своих идей в самой неблагоприятной обстановке, так как настоящие заправилы конгресса менее всего преследовали прогрессивные цели. Возможно, что некоторые из его мыслей вошли в манифест: «к народам Европы». О его тогдашних взглядах по славянскому вопросу мы можем судить, по проекту «Статуты новой славянской политики», с которым конгресс не ознакомился. Конгресс был прерван военным нападением, поведшим к революционным выступлениям. В продолжение недели Пятидесятницы Бакунин находился в центре революционного движения в Клементинском квартале, где вел агитацию между студентами. 19 июня он оставил Прагу и направился в Бреславль. Здесь его застала позорная клевета, появившаяся в «Новой Рейнской Газете» от 6 июля 1848 г., вполне опровергнутая им посредством полученного письма от Жорж Занд (Сравн. «Нов. Рейнскую Газ.» от 16 июля и 3 августа и статью Маркса в лондонской газ. «Morning Advertiser»). Клевета эта все же временно помешала его деятельности. Его душевное настроение и мрачная оценка тогдашнего положения обнаруживается в нескольких письмах его, написанных в 1848 и 49 гг. к Георгу Гервегу (Письма эти напечатаны в сборнике «1848-ой год», Мюнхен, 1898 г.) Так, напр., в начале августа он пишет: «Я не верю в конституции и законы: наилучшая конституция не удовлетворила бы меня. – Мы нуждаемся в чем то ином; в буре и в жизни и в новом, лишенном законов, а потому и свободном мире». В середине июля 1848 г Бакунин поехал в Берлин, где он встречался с поляками, с демократическими депутатами и целым рядом других лиц. Там же он тогда познакомился с Максом Штирнером и по настоянию общих друзей помирился с Марксом. 22 сентября он опять поехал в Бреславль и 6 октября был выслан из Пруссии; 9 октября, проезжая через Саксонию, он был выслан также и из этой страны. Верное убежище он нашел в тогдашнем маленьком оазисе свободы, в Ангальте, где он и прожил до января 1849 г., в Кетене и Дессау, вращаясь в сочувствовавших ему кружках ангальтских демократов. Там же он часто встречался с министром-демократом Габихтом и др. Этими месяцами внешнего покоя он воспользовался для издания «Воззвания к славянам» (Кетен, 1848 г.). Но главным образом он был занят заговорщической деятельностью, т. е. попытками склонить революционные элементы разных стран к новому выступлению весной 1849 г. До сих пор осталось неясным степень участия других революционных деятелей того времени в этом направлении. Из его усилий ничего не вышло, но во всяком случае вполне установлено, что Бакунин видел единственный путь к спасению революции в таком объединении отдельных движений и работал очень энергично в этом направлении. Благодаря этому он стал наиболее ненавидимым для реакции человеком, внушавшим ей страх более чем кто-либо другой. И это произошло не благодаря каким-либо его утопическим стремлениям, а как раз потому, что он был практичнее всех других и пытался прибегнуть к самому опасному для реакции средству: к объединению сил революции.

С января до начала марта 1849 г. он жил нелегально в Лейпциге, откуда он вел сношения с целым рядом молодых чехов, находившихся в Праге; кажется, что он также однажды сам с большой опасностью для себя ездил в Прагу. Заговорщики надеялись на восстание в Праге, в котором должны были принять участие чешские крестьяне; быть может, имелось в виду совместное выступление с польскими повстанцами, которое должно было воспрепятствовать вмешательству России в Венгрии. Бакунин стал еще энергичнее работать в этом направлении, когда несколько позже, начались выступления в связи с немецкой имперской конституцией. С марта месяца Бакунин избрал центром своей деятельности Дрезден, бывший более важным центром чем Лейпциг. Отправка Рекеля в Прагу с письмом Бакунина от 30 апреля 1849 г., показывает, что планы Бакунина были совершенно реальны, хотя, с другой стороны, фактический опыт Рекеля, в Праге обнаружил, что для осуществления этих планов имелись слабые материальные основания. После взрыва дрезденской революции были произведены в Праге массовые аресты, и многие чехи и немцы просидели в тюрьме после долгих судебных процессов до 1857 г.

Роль Бакунина в дрезденской майской революции общеизвестна (3–9 мая 1849 г.). В теснейшем контакте с временным правительством он работал самым энергичным образом днем и ночью, и имя его внушало саксонским мещанам панический страх. С остатками борцов майской революции он уехал утром 9 мая в Фрейберг, вместе с Гейбнером и Рихардом Вагнером. На последнего Бакунин оказал очень сильное влияние, и тот в своих сочинениях того времени сам открыто об'являл себя сторонником анархии. В Фрейберге, где Бакунин в последний раз предложил план, впрочем неосуществимый, вторжения в Богемию, добровольческие отряды были распущены, и Гейбнер, Бакунин и некоторые другие уехали в Хемниц, где их встретили как будто бы дружески, но в ту же ночь, с 9-го на 10-ое мая, когда они спали, на них напали саксонские мещане, арестовали и выдали прусским солдатам, в Альтенбурге. Солдаты повезли их далеким кружным путем через Лейпциг в Дрезден, где они были посажены в тюрьму. Тут начинаются тюремные годы Бакунина.

В ночь с 24-го на 25-ое мая Бакунин, Гейбнер и Рекель были переведены в Нейштадт, в кавалерийскую казарму, где они просидели до 29 августа, когда их перевели в крепость Кенигштейн. О тогдашнем настроении Бакунина дают представление его письма из крепости к своему другу Рейхелю. На допросе он открыто говорил о своих идеях и действиях, отказавшись сказать что бы то ни было о других соучастниках. 14 января 1850 г. им был вынесен смертный приговор в первой судебной инстанции, 16 апреля приговор был подтвержден во второй инстанции. В начале июня смертный приговор был им заменен пожизненными каторжными работами. Гейбнер отбывал каторгу до 1859 г., а Рекель до 10 января 1862 г. Бакунину пришлось просидеть в заключении меньше, чем им обоим. 13 июня 1850 г. он был выдан Австрии и посажен в монастырь Св. Георгия в Праге; с марта 1851 г. он находился в строжайшем заключении в Ольмюце. Здесь его постоянно допрашивали о пражском майском заговоре, и 15 мая его присудили к смертной казни через повешение, но тут же смертный приговор был заменен пожизненным тяжелым заключением в тюрьме. Немедленно после этого он был выдан России, чему он был рад, так как нигде условия заключения не были так тяжелы для него, как в Австрии.

Его привезли в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин. Здесь не было никакого судебного процесса, а от допросов он отделался тем, что составил адресованное Николаю общего характера письмо или записку. В начале Крымской кампании, в 1854 г., он был переведен в Шлиссельбург. Он заболел цынгой, потерял все зубы и впал, после того, как он и после смерти Николая не был освобожден, в такое состояние духа, что несомненно покончил бы с собою, если бы его семье не удалось в марте 1857 г. добиться ссылки его на поселение в Западную Сибирь.

После того, как он прожил на свободе неделю в Петербурге и один день в Прямухине, Бакунин был отправлен в апреле 1857 г. в Томск. Здесь, а впоследствии в Восточной Сибири, он жил совершенно свободно, если не считать ограничений в местожительстве и полицейского надзора. Вскоре он сумел достичь такого положения и морального влияния, какого никто из ссыльных не достигал, хотя в более тесных кругах они всегда пользовались известным моральным влиянием. Он стал встречаться здесь с декабристами и петрашевцами, с поляками и молодыми сибиряками, которым он старался привить идею Соединенных Штатов Сибири. Впоследствии он сообщал со своим родственником, губернатором Восточной Сибири Муравьевым-Амурским, строил планы, представляющиеся нам почти непонятными, так как мы ничего не знаем о лицах, в расчете на которых эти планы строились. При различных обстоятельствах Бакунин принимал участие в таких предприятиях, от которых, по нашему представлению, ему следовало бы держаться подальше. Но, как мы еще много раз увидим, он следовал в таких случаях побуждениям своей активной натуры, делавшей невозможным для него подобное воздержание.

Старания Муравьева-Амурского добиться полного помилования Бакунина потерпели неудачу, и последний стал добиваться разрешения переехать в Восточную Сибирь. В марте 1859 г. он приехал в Иркутск. Он часто ездил в качестве служащего Забайкальской Амурской Торговой компании. Несколько позже он получил другое место у золотопромышленной компании. Когда Муравьев-Амурский оставил Сибирь, Бакунин осуществил в 1861 г. свой план бегства. Его бегство не было связано ни с какими физическими лишениями, но потребовало с его стороны большой ловкости, так как ему пришлось своим искусным обхождением с ними провести целый ряд лиц для того, чтобы не быть узнанным. Он сумел до последнего момента, до прибытия в Японию, изображать в глазах русских чиновников и судовых капитанов свое бегство в виде легальной деловой и научной поездки. Выехавши из Иркутска 5/17 июня 1861 г., он прибыл по Амуру в Ново-Николаевск 2/15 июля. В Японию, в Хакодате, он прибыл в августе. Оттуда он направился через Иокагаму в Сан-Франциско, куда прибыл 15 октября; 21 октября он приехал в Панаму и 15 ноября в Нью-Йорк; 14 декабря он был в Ливерпуле и 27 декабря приехал в Лондон, где он направился прямо к Герцену и Огареву, в семейный круг которых он попал вечером совершенно неожиданно. Здесь он встретил братский прием и сразу стал тем-же прежним Бакуниным. Уже в Японии он встретился с одним из участников дрезденской майской революции, В. Гейне, с которым он вместе поехал в Сан-Франциско (имя В. Гейне значится в судовом списке). В Сан-Франциско и в особенности в Нью-Йорке он встретил старых знакомых, так что бегство его удалось как нельзя лучше. Жена его, Антония, дочь поляка, на которой он женился в Томске в 1858 г., смогла с ним встретиться только весной 1863 г. в Стокгольме.

Теперь Бакунин взялся с новой колоссальной энергией за работу, стараясь возместить потерянные годы и своими призывами привлечь к делу революции элементы, отошедшие от нее с 1849 г., или вновь народившиеся. Поход Гарибальди на Сицилию и Неаполь, предстоявшее польское восстание, развитие революционной пропаганды в России, все это и многое другое предсказывало наступление нового движения. 60-ые годы действительно стали новым революционным периодом, продолжавшимся вплоть до войны 1870–71 гг., когда благодаря войне реакция окрепла на продолжительный срок. Усилия Михаила Бакунина оставались часто безуспешными. Между людьми 48-го года он чуть ли не единственный остался молодым, и прошли годы, пока он не привлек окончательно на свою сторону целый ряд людей, большей частью из среды молодежи, и пока, наконец, ему не представилась настоящая возможность развить пропагандистскую и агитационную деятельность в среде революционно-настроенных рабочих и студенческой молодежи Интернационала, от которого берет начало большинство современных революционных течений.

Вначале он остался жить в Лондоне, где его возвращение приветствовала группа английских рабочих. Здесь он познакомился с Мадзини, Саффи, Луи Бланом, Таландье, Линтоном, Голиоком, Гарридо и многими другими. Но здесь же опять воскресла старая клевета, выдвинутая группой Уркарта, к которой стоял близко Маркс. Клевета эта, впрочем, повторялась и в 50-ые годы, когда Бакунин сидел в тюрьме. Действительная совместная работа с Герценом и Огаревым, издателями «Колокола», была невозможна, и его русские издания излагают личные его воззрения, его старую программу. Такого прежде всего его воззвание «К русским, польским и всем славянским друзьям» (15 февраля 1862 г.) Брошюра же «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель?», написанная в июле того же года, соответствовала, как ему казалось, практической потребности современной ситуации (см. письмо Бакунина к Герцену от 19 июня 1866 г.).

Он искал связей на всех границах для ввоза печатных произведений в Россию, знакомился со всевозможными славянами, армянами и др. и немного мешал своими слишком откровенными разговорами Герцену в его дипломатическом стремлении привлечь на свою сторону русских сектантов, желавших только быть суеверными на свой собственный лад и т. д. В общем это была несколько чересчур стремительная деятельность, не дававшая пока никаких результатов, а тем временем приближение польского восстания поглотило на целый год энергию Бакунина.

Только лишь польский вопрос привел к внешнему политическому объединению Герцена и Огарева с Бакуниным, причем перо Герцена и его «Колокол» в соединении с личностью Бакунина представили собой такую силу, что польские комитеты выразили готовность вести с ними переговоры как с равной силою. Эти лондонские эмигранты рассматривались как представители тайной русской организации «Земля и Воля» – впоследствии оказавшейся совершенно мифической – и офицерского комитета русской армии, стоявшей в Польше, душою которого был Андрей Потебня, единственный, кто сумел умереть за свое дело. Из многих предпринятых в связи с этими обстоятельствами шагов я перечислю только следующие: поездку Бакунина в Париж (август – сентябрь 1862 г.), благодаря которой между прочим, должно было быть достигнуто соглашение с Мирославским, закончившееся однако обоюдной ожесточенной полемикой; поездку в Лондон делегатов варшавского

Центрального Комитета, Подлевского, Гиллера и Миловича (в конце сентября) давших свое согласие на выставленное русскими представителями требование об отказе от исторической Польши, и на автономию Литвы, Украины и Белоруссии; это был высший момент дружественных отношений; и, наконец, поездку Потебни в Лондон, о которых рассказал в 1870 г. Бакунин в своей брошюре, написанной для русских офицеров.

Отношения вскоре охладели, так как в польской организации одержало верх аристократическое течение, и слышать не хотевшее об отказе от исторической Польши и о возвращении земли крестьянам и возлагавшее надежды на французское вмешательство. Офицерская организация Потебни не находила более никакой действительной поддержки, также как и план Бакунина о создании русского легиона, который он, напр., настоятельно отстаивал в одном своем письме от 3 февраля 1863 г. Наконец польский комитет передал ему свою просьбу отложить его поездку в Польшу и свою деятельность в ней (см. письмо Бакунина от 9 июля 1863 г.). Таким образом русские эмигранты могли содействовать польскому восстанию только посредством создания диверсии в России. Много говорилось тогда о казацких и сектантских восстаниях, о великой организации «Земля и Воля», о Кавказе и Финляндии, но если для этих разговоров и были кой-какие основания – революционные элементы России не проявили тогда никакой инициативы.

Благодаря всем этим обстоятельствам Бакунину пришлось остаться в Швеции, где он нашел сравнительно удобные условия для продолжения своей деятельности. 21 февраля он выехал из Лондона через Гамбург и Киль в Копенгаген, готовясь в случае соглашения с поляками отправиться в российскую Польшу вместе с ними, но, прождав напрасно, он приехал пока в Стокгольм. Оттуда он, будучи вызван на английское судно «Ward Jackson», от'езжавшее из Саутэнда 22 марта с польской экспедицией Лапинского, выехал в Гельсингфорс, куда приехал 26 марта. С подготовкой этого неудавшегося предприятия он не имел ничего общего. На этом судне он отправился в Копенгаген и Мальмэ, откуда возвратился 31 марта в Стокгольм. Действовать в таком направлении оказалось совершенно невозможным, но Бакунин, сделавший все, что он мог, для преодоления встретившихся затруднений, никоим образом не мог быть ответственным за неудачу. Его деятельность в Швеции состояла в том, что он старался повлиять на общественное мнение посредством статей (в «Aftonbladet») и речей (наиболее значительная речь была произнесена им 28 мая). Кроме того он путем личного знакомства старался оказать влияние на самые решительные и прогрессивные элементы шведского общества. Целью его пропаганды было об'явление Швецией войны России, причем он наряду с Польшей упоминал постоянно и о Финляндии. Частным образом он приобрел много новых связей, между прочим и с Финляндией, и постоянно, хотя и безрезультатно, стремился к тому, чтобы наконец непосредственно познакомиться с организацией, якобы существовавшей в России. Несмотря на энтузиазм и оптимизм, который он высказывал в своих открытых выступлениях, он в действительности был сильно разочарован неудачей польского восстания и крахом связанных с ним надежд, возможностей. В своем письме от 29 августа 1863 г. он вынужден был сказать, «...даже самый лучший поляк враждебно относится к нам как к русским». Уже тогда он решил провести зиму в Италии, и в октябре того же года он выехал сначала в Лондон и вскоре затем в Италию. Тут заканчивается период его славянской деятельности (1862–63 г. г.). Он убедился очевидно, что национальные стремления непригодны даже как средство, и с этого времени начинается подготовительный период его интернациональной

социально-революционной деятельности (1863–1867 г. г.), за которым последовала его открытая деятельность в этом направлении.

В конце января 1864 г. он поехал во Флоренцию, через Брюссель, Женеву, Турин, Геную, Капреру (где он посетил Гарибальди), и Ливорно, отыскивая всюду старых знакомых и новых людей, примкнувших к движению. Несмотря на неудачу польского восстания он чувствовал, что на западе реакция подходит к концу – и начинается опять революционная пора (письмо от 24 апреля 1864 г.). Он жил во Флоренции, где встречался с итальянцами (Дольфи, Маццони, Берти, Калура и др.), русскими (Лев Мечников и др.), поляками, венграми и т. д. Он занимался еще иногда некоторыми польскими делами (отправка Мечникова к Гарибальди и т. д.) и впервые сделал попытку основания тайной организации (об этом ниже).

Летом он жил в курорте Антиньяно под Ливорно и позже, в августе, поехал, неизвестно с какой целью, в Швецию, где на этот раз пребывание его привлекло мало внимания. В октябре он поехал обратно во Флоренцию и по дороге остановился в Лондоне (где Маркс посетил его и уверял, что он никогда на него не клеветал), в Брюсселе и Париже (где он последний раз виделся с Прудоном). Во Флоренции он оставался до лета 1865 г. Это лето он провел в Сорренто, а в начале октября приехал в Неаполь, где остался, вместо предполагавшихся нескольких месяцев, почти на два года (до сентября 1867 г.), причем в летние месяца он жил в Ишли (1866–67 гг.).

В Сорренто и Неаполе Бакунин познакомился с целым рядом молодых людей, принимавших уже участие в итальянском движении, как Фанелли, Гамбуцци, Фрисчия, Тучи, или с еще более молодыми, как А. Драмис, де Люка, Милети, а впоследствии Кармело, Палладино и др. Тут же он встречался с поляками Валерьяном Мрочковским, русской княгиней З. О. Оболенской, которая оказывала наиболее существенную материальную поддержку и с др. Для итальянского революционного движения он старался завоевать наиболее способные элементы из среды мадзинистов и гарибальдийцев, причем он мадзиниевскому религиозному патриотизму на буржуазной подкладке противопоставлял атеистический интернационализм на социально революционном базисе. Его первые итальянские статьи, в «Popolo d'Italia» (1865 г.) и в «Liberta e Giustizia» (1867 г.) и первый номер летучего листка «La Situazione», мне неизвестны. Но по программе итальянской тайной организации (1866 г.) мы можем себе составить определенное представление о том направлении деятельности Бакунина в итальянском движении этого времени, которое я охарактеризовал выше. Те же взгляды Бакунин развивает в своем письме к Герцену от 19 июля 1866 г. и, наконец, в более старых документах, напр., в масонских рукописях и в революционном катехизисе (1866 г.). Для того, чтобы избежать всяческих затруднений в своей работе, он старался действовать возможно более конспиративно, так как благодаря наущениям русских властей на него постоянно возводились разного рода нелепые обвинения – в поджогах в России, в выделке фальшивой монеты в Италии и т. п. Об этом он, между прочим, писал 29 мая 1867 г. в своем письме к Фанелли. По этой причине в течение этого времени в «Колоколе» появились за его подписью все лишь два заявления, и он был совершенно забыт, что вполне соответствовало его желанию.

В течение этих лет русское движение далеко перешагнуло через Герцена. Молодежь, приносившая всю свою жизнь в жертву движению, сначала относилась критически, а вскоре враждебно к странной позиции Герцена, который, с одной стороны, стал относиться критически к революционерам, а, с другой стороны, становился все доверчивее к самым ничтожным либеральным мероприятиям русского правительства. Кроме того Герцен не верил уже более в под'ем западноевропейского революционного движения и оставался одиноким в своем безнадежном разочаровании. Бакунин продолжал верить в молодежь и в пролетариат и возлагал большие надежды на будущее. Их частая взаимная критика в переписке, в которой до сих пор иногда оказывался правым Герцен, заканчивается в пользу Бакунина его блестящим письмом от 19 июля 1866 г. В этом письме он – как и позже, 22 июня 1867 г., приводил всевозможные доводы, чтобы заставить Герцена отказаться от своих предрассудков по отношению к молодому поколению, но ему так и не удалось переубедить Герцена.

В Италии Бакунин только случайно встречался с отдельными русскими; и только в 1868 г. в Вевей и Кларане представилась ему возможность организованной пропаганды. Здесь он нашел безусловных последователей в лице Николая Жуковского и его жены, а в лице Николая Утина и его кружка сначала сомнительных друзей, а потом явных врагов. Предполагалось основать типографию в Берне. Появился номер «Народного Дела» (1 сентября 1868 г.), целиком написанный Бакуниным и Жуковским. Разрыв с Утиным и другие обстоятельства, вызвавшие переезд Бакунина в Женеву, положили конец его участию в этом издании. Подготавливавшаяся им брошюра на французском языке «Революционный вопрос в России и Польше» (1868 г.), в которой он также собирался выяснить свои недоразумения с поляками по поводу последнего восстания, не была закончена и осталась ненапечатанной.

Однако свою главную задачу Бакунин видел в следующего рода деятельности: привлечь к своей более тесной программе, которая была безусловно атеистическо-анархистско-социалистической, наиболее интеллигентных, честных и энергичных людей, выступавших в освободительных движениях разных стран; организовать тайное совместное действие этих людей, посредством которого начинающимся народным движениям было бы придано революционное, прежде всего разрушающее государство направление; движения эти должны были бы быть поддержаны одновременными движениями в других странах, и таким образом, как он часто высказывал, должна была быть создана невидимая, безличная (и поэтому не дающая места тщеславию) революционная диктатура, которая воспрепятствовала бы распылению революционных сил и их отклонению от прямой цели. В этом состоит основная мысль всей его неустанной деятельности с 1864 г. до 1874 г. Все это однако основывалось на личных, частных отношениях целого ряда революционеров между собою. Что же касается сложных статуты и программ, появившихся при этом, то они имеют второстепенное значение, и появление их должно быть приписано слабости быть может Бакунина, а быть может тех, для кого они были предназначены. Не следует однако по ним судить о ценности основной мысли, которая гораздо яснее проявляется в действительной истории распространения левого крыла Интернационала в Италии и Испании, южной Франции и романской Швейцарии.

Из всей истории деятельности Бакунина в течение этого периода, которую, по весьма понятным причинам, можно передать только в отрывочной форме, я выдвигаю следующие моменты: Его попытки привлечь франко-масонов (Флоренция, 1864 г.), о чем свидетельствуют также и отрывки из рукописей, показывающие, что он выработал свое мировоззрение к тому времени в совершенно ясной форме, в какой он высказал его позже в своей книге «Бог и государство». Попытки эти остались безуспешными, и он сам от них отказался. Его поездка в 1864 г. была им использована для привлечения членов в свою организацию. Лучшую почву нашли старания его в этом направлении в Неаполе, и в июле 1866 г. Бакунин писал Герцену о товарищах, завербованных им в Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Бельгии, Франции, Испании и Италии, о поляках и нескольких русских. В этом письме упоминается также и о поездке с этой целью Мрочковского. Из рукописей мы имеем перед глазами: невероятно подробный устав «Организация» и длинное изложение основных идей общества («Революционный катехизис») – обе эти рукописи (французские) относятся к 1866 г.; печатные итальянские программы и статуты; более краткий и очевидно более старый рукописный отрывок: «Программа Общества Интернациональной Революции» (по-французски). – Организация именуется просто «интернациональное революционное общество», а члены «интернациональными братьями», так что обычным названием общества стало «Интернациональное братство».

Едва ли необходимо упоминать, что все это происходило раньше, чем Бакунин вступил в какую бы то ни было связь с Интернационалом. В то годы это общество жило едва заметной жизнью. Главные лидеры французской ветви – Толен, Фрибург и др. – находились под подозрением в бонапартизме, Маркс и его немецкие сторонники являлись представителями старого авторитарного коммунизма, и кое-где (Швейцария) процветал буржуазный социализм в духе Кульери. Только в Бельгии движение шло по пути свободного социализма.

Вследствие этого Интернационал до 1867 г. мог иметь для Бакунина лишь очень слабую притягательную силу, тем более, что он знал, что главным вождем этой организации был его старый враг – Маркс. И таким образом он работал со своими друзьями отдельно. Когда в 1867 г. был созван в Женеве всеобщий мирный конгресс, который должен был объединить республиканские и радикальные элементы Западной Европы, Бакунин увидел в этом съезде благоприятный случай впервые выступить публично со своей настоящей программой, а также завязать в интересах своего тайного общества много новых связей. С этой целью он и некоторые из его товарищей отправились в сентябре 1867 г. в Женеву.

В женевском мирном конгрессе (9–12 сентября 1867 г.) принимали участие не только известнейшие французские и немецкие деятели 48-го года, новое республиканское поколение Франции (за исключением бланкистов), остаток немецкой демократии, Гарибальди и многие демократы других национальностей, но также 26 из 64 делегатов лозаннского конгресса Интернационала, французские, бельгийские, швейцарские секции, члены Генерального Совета и т. д.; из принципиальных соображений держали себя в отдалении Мадзини, Герцен и часть поляков. Бакунин подготовил рукописный текст подробной речи; но в действительности он произнес 10 сентября речь, не справляясь с рукописью, и небрежно отредактированное изложение этой речи имеется в «Анналах» конгресса. Свои принципы он резюмировал в тосте, произнесенном на прощальном банкете, в следующих словах: федерализм, социализм, антитеологизм. Это были предтечи более

ясных слов: анархия, коллективизм, атеизм, легших в основу программы свободнического течения Интернационала. Он стал членом постоянного Центрального Комитета ново-основанной Лиги Мира и Свободы, который должен был заседать в Берне. Он и его более интимные друзья, Жуковский, Мрочковский, Наке и др., прилагали все усилия к тому, чтобы упомянутые основные положения, представленные ими Комитету в детально обработанном виде, были им приняты; но это было безнадежным предприятием. Все это привело лишь к тому, что началось печатание этого сочинения, под заглавием «Революционный вопрос, Федерализм, Социализм и Антитеологизм», но печатание было приостановлено после выпуска нескольких листов. (Сочинение это было издано лишь в 1895 г. в Париже).

В 1867–68 гг. Интернационал переживал период сильного под'ема, Лига же влачила жалкое существование. Буржуазные члены Лиги удовлетворялись вполне спокойствием мирной жизни и разговорами, обычными на конгрессах всех подобных мирных организаций. Бакунин же стремился об'единить серьезные элементы демократического движения с Интернационалом и действительно добился того, что принятая 1 июня 1868 г. центральным комитетом программа членов Бернского конгресса включала его идеи, хотя и в весьма ослабленном виде. Кроме того комитет в секретном циркуляре вполне признал значение рабочего движения и высказывал пожелание, чтобы Лига «стала политическим выразителем великих экономических и социальных интересов и принципов, столь победоносно развиваемых и распространяемых теперь великой международной ассоциацией рабочих Европы и Америки». Интернационал, как чисто экономическая организация, базирующаяся на солидарности всех рабочих и естественно не имеющая никакой более узкой сектантской программы, и рядом с ним эта Лига (как впоследствии Альянс, в качестве боевой и пропагандистской организации с революционной программой Бакунина – это была по всей вероятности тогдашняя цель его, которая и была впоследствии осуществлена в другой форме. Очевидно, однако, что деятельность Бакунина в Комитете, до бернского конгресса Лиги (сентябрь 1868 г.) имела известный успех, так как его тактика была предложена Лиге конгрессом.

Но брюссельский конгресс Интернационала вотировал резкую резолюцию, которая отрицала за Лигой право на отдельное существование и приглашала ее вступить в Интернационал. Бакунин, сразу узнавший в этой резолюции руку Маркса, в письме к президенту комитета Лиги подчеркнул необходимость для Лиги стать немедленно на чисто социалистическую точку зрения и не дать себя заstraщать этим нетерпимым к ней отношением. С этой целью он потребовал от бернского конгресса Лиги признания социального вопроса главным вопросом, признания экономического, а не только политического равенства (23 сентября). Но его предложение было отклонено, и это привело к выходу Бакунина и его товарищей (18 членов конгресса) из Лиги после прочтения написанного Бакуниным протеста (25 сентября), подписанного между прочими Элизе Реклю, Жуковским, Мрочковским, Аристидом Рей, В. Жакляром, Альбером Ришаром, Фанелли и др. Выступившие образовали «Интернациональный альянс социалистической демократии».

Бакунин провел этот год в трех местах под Вевей и Клараном и много раз ездил в Берн. Весной 1868 г. он дал в письме, помещенном в парижской «Democratie» наиболее полное к тому времени изложение своих идей (если не считать его итальянских сочинений. Речи,

произнесенные им на Бернском конгрессе, в особенности его речи против религии (24 сентября), свидетельствуют о том, что его мировоззрение достигло высшей точки своего развития. В Берне он также говорил о национальном вопросе и о России (25 сентября).

«Братство» усилилось в 1867 г. в Женеве, главным образом благодаря вступлению в его ряды членов французов и Николая Жуковского. Последний стал в течение этого года как бы секретарем Бакунина и работал очень энергично, поддерживая своего учителя в его решении рассчитывать только на рабочих (а также и на молодежь).

После выхода из Лиги Бакунин предложил собравшимся на совещание в Берне членам Братства вступить по одиночке в Интернационал, сохраняя втайне связь между собою. Но перевес взяло мнение французов и итальянцев, указывавших, что помимо тайной связи должна существовать соответствующая открытая организация, и таким образом был основан «Интернациональный Альянс социалистической демократии», который должен был в качестве отдельного целого вступить в Международную Ассоциацию рабочих, но притом наряду с программой Интернационала иметь свою собственную атеистическую анархистско-революционную программу и собственную интернациональную организацию (центральное бюро в Женеве).

Бакунин вместе с некоторыми из своих друзей уехал в Гассе Дюпра (под Клараном), откуда Фанелли, Элизе Реклю и Рей отправились в поездку по Испании. Остальные вместе с Бакуниным поехали в Женеву, где они вступили в центральную секцию Интернационала и устроили ряд совещаний о своей тайной организации. Вскоре, 28 октября 1868 г., образовалась женевская секция открытого Альянса в составе 85 человек, из которых многие впрочем вышли из этой организации.

Представляется невозможным без длинных раз'яснений даже отчасти резюмировать имеющийся обширный материал обо всем происходившем в интимном кругу, в Братстве, и изложить его в кратких чертах, так, чтобы не породить новых недоразумений. Благодаря личным раздорам возникшая против воли Бакунина, как он это сам констатировал в 1873 г., задача – установить соответствие между деятельностью Интернационала и братства, открытого и тайного Альянса – была осложнена и практически оказалась совершенно невыполнимой. Только весной 1859 г. дело окончилось тем, что Братство было распущено, а также был распущен и непризнанный Генеральным Советом открытый Альянс. Тогда близкие друзья Бакунина стали членами Интернационала и вместе с тем сохранили частую связь между собою, как между союзниками; так что получилось то положение вещей, к которому Бакунин стремился в Берне. Все остальное было лишь проектом и осталось исключительно на бумаге.

Одно во всяком случае можно установить с точностью: то, что Маркс выдает в своей брошюре об Альянсе (1873 г.) за статуты, хронологически неотделимо от определенных рукописей, самим Бакуниным названных проектами, – а эти проекты написаны были до известных совещаний в Женеве и Шапонеире, состоявшихся в январе 1869 г. и приведших к уходу некоторых от Бакунина, который, впрочем и сам их ценил невысоко. Таким образом Маркс выдал эти, неизвестно путем какого вероломства попавшие к нему, проекты за статуты, поступок настолько же некритический, предательский и смехотворный, как если

бы кто-либо вытащил из корзины для старой бумаги какого-нибудь конгресса никогда не принятые или даже не обсуждавшиеся всякого рода предложения и выдал их за резолюции конгресса только потому, что они начинаются с фразы: «Конгресс решает...»!!!

То, что Бакунин думал о столь многократно извращавшихся взаимоотношениях между Интернационалом и Альянсом (тайным), он самым детальным образом изложил в целом ряде писем, отправленных им по всем направлениям, напр., в письме к Альберу Ришару от 7 февраля 1870 г. («Revue de Paris», 1 сентября 1896 г., стр. 126–7), в письмах, приводимых в Биографии, в письмах в Испанию (к Пауло, от 21 мая 1872 г.; к братьям del'A. 1872 г.) и др.

Международная Ассоциация Рабочих должна была, по его мнению, стать выражением экономической солидарности всех рабочих и захватить в свои ряды миллионы пролетариев. Если бы эта организация выставила официальную, политическую и социалистическую программу, то она сразу опустилась бы до положения секты, из нескольких тысяч человек. Этого никогда не должно случиться. Но для того, чтобы привить этим массам революционное направление, внутри Интернационала должна образоваться организация, сознательно революционная по своей программе и тактике, существование которой должно оставаться в тайне. Это и есть Альянс. Только таким путем можно добиться того, чтобы несознательные массы, лишь благодаря Интернационалу познающие солидарность своих интересов, могли действовать в качестве революционной силы. Вместе с тем тайный характер организации дает возможность противодействовать тщеславию, авторитарности и стремлениям к диктатуре.

С октября 1868 г. Бакунин жил в Женеве и в промежутке времени до базельского конгресса (сентябрь 1869 г.) вел пропаганду в пользу Интернационала в романской Швейцарии. Из написанного им в течение этого периода упоминаю: составленное им женевское обращение к испанским рабочим (21 октября 1868 г.); его речь на народном собрании от 23 ноября 1868 г.; отрецензированный им и в главной части принятый проект статута конституированной 3 января 1869 г. в Женеве романской федерации Интернационала; главным образом им отрецензированное до осени 1869 г. периодическое издание «Egalité», в которой им помещены кроме небольших статей и заметок несколько серий статей: «Les Endormeurs», «L'Instruction intégrale», «La Montagne», «Le jugement de M. Coullery», «Politique de l'Internationale», «De la Coopération», в которых он выяснял сущность псевдосоциалистических направлений; подготовку докладов базельскому конгрессу (его доклад о наследственном праве) и т. д.

Помимо этого он постоянно присутствовал на собраниях и комитетских заседаниях женевской секции Альянса, и сохранившиеся, частью цитированные в Биографии, протоколы заседаний дают нам возможность наблюдать детально за всей его пропагандистской и организаторской мелкой работой; он также составил проект статута секции. И, наконец, он открыл широкое поле для своей агитации благодаря нескольким своим поездкам в Юру, где он нашел наиболее убежденных и постоянных последователей. В феврале, а затем опять в конце мая 1869 г. он ездил в Юру и написал тогда ряд статей в «Progrès», выходившем в Локле, которые должны были, очевидно, дать изложение всей его системы, но были прерваны посредине.

Базельский конгресс является высшим пунктом развития Интернационала, как общей организации. Свободнические течения, руководимые в Швейцарии и Южной Европе Бакуниным, во Франции Варленом и его товарищами, в Бельгии де Папом и др. взяли перевес на этом конгрессе и оттеснили на задний план авторитарные идеи Маркса. В сознании успешного развития левого крыла сторонники Бакунина легкомысленно предоставили Генеральному Совету более широкие полномочия, причем Бакунин выступил в защиту этого предложения. Это было грубой ошибкой, что и выяснилось вскоре, так как Маркс использовал столь печальным образом предоставленную ему власть. В дискуссиях о наследственном праве и земельной собственности Бакунин принимал деятельное участие.

Вскоре, после этого, приблизительно 30 октября 1869 г., он оставил Женеву и уехал через Лугано в Локарно, (2 ноября), произведший на него сразу самое приятное впечатление. Письмо его к Огареву от 23 ноября дает представление о размерах его переписки в то время: он переписывался с 44 лицами, причем к 19-ти из них он писал, по крайней мере, раз, а иногда два-три раза в неделю, и не менее двух раз в месяц, к остальным не менее одного раза в два месяца. Тогда же он начал с большой неохотой для заработка, переводить на русский язык «Капитал» Маркса, который он называл «экономической метафизикой». В первой половине 1870 г. он ездил неоднократно в Женеву, специально по поводу русских дел. В период от 12 марта до 11 апреля он пробыл в Женеве и воспользовался этим, для того, чтобы повлиять на тактику юрцев, принятую ими после конгресса в Шо-де-Фоне. Он вообще старался использовать эти свои поездки, чтобы устраивать собеседования со своими друзьями, преимущественно в Невшателе. Во второй половине апреля он ездил в Милан, в мае, а также и в конце июня опять в Женеву. Но положение в Женеве было столь напряженным, и русские дела настолько захватывали, что он не принимал участия в открытой пропаганде, посещая только заседания секции Альянса.

Наряду с этой агитационной деятельностью в Женеве и на Юре, он развивал деятельность также и в некоторых других направлениях. Из этой его деятельности я могу только вскользь указать на его связи с Лионом (Альбер Ришар) и Марселем (Андре Бастелина), а также и с Парижем, не столько с Малоном, на которого он не слишком полагался, как с Варленом, Полем Робэном, Элизо Реклю и др. Письмо его к лионскому собранию от 13 марта 1870 г. резюмирует его идеи о тактике революции во Франции. Следует сказать, что бельгийцы никогда не были его сторонниками в полном смысле этого слова, несмотря на дружественные отношения существовавшие между ним и бельгийскими членами Интернационала, и на то обстоятельство, что бельгийцы в то время все без исключения принадлежали к свободническому течению. В тактике Бакунина, им не нравилась подготовка революционного движения посредством тайной организации. В Италии с начала 1869 г. вел агитационную деятельность неапольский бакунинский кружок, но к концу 1871 г. эта агитация не дала особенно заметных результатов. Но зато в Испании процветал Интернационал, вызванный к жизни поездкой Фанелли, а вместе с тем быстро возник и испанский Альянс, сначала в Барселоне и Мадриде, а затем, в июне 1870 г., конституировавшийся в испанскую федерацию.

Я опускаю более мелкие эпизоды, вроде поездки болгарских революционеров к Бакунину в Женеву (1869 г.) и их совещания с ним. В кратких словах невозможно изложить его отношения к Нечаеву (1869–70 г. г.). Прежде всего следует забыть все написанное об этом

на основании сведений, полученных из вторых рук или посредством злонамеренного использования источников (как, напр., марксовская брошюра об Альянсе). В действительности дело сводилось к следующему. В начале 1869 г. в России существовало студенческое движение с агитационным комитетом во главе, к которому Нечаев стоял очень близко. Несомненно, что Нечаев дал Бакунину преувеличенные сведения об этом комитете и, заметивши сильное впечатление, произведенное его личностью и столь долгожданными известиями о существовании действительной организации в России на охваченного энтузиазмом Бакунина, он впоследствии постепенно стал мистификатором, искренно стремясь при этом действовать на пользу революции и вместе с тем оставаясь по существу бланкистом-террористом, чуждым более благородных свободных воззрений. Нечаев в течение долгого времени оказывал влияние на Бакунина и слабого Огарева и таким образом очень сильно их компрометировал и эксплуатировал, пока, наконец, долготерпение Бакунина не лопнуло, и он не понял, что Нечаев видел в нем не товарища, а лишь орудие для осуществления своих планов.

В течение этого агитационного периода Бакунин написал: «Несколько слов молодым братьям в России» (1869 г.); «Наука и современное революционное дело», (брошюра, 1869 г.) «К офицерам русской армии» (январь 1870 г.); «Русский отдел интернационального Альянса социальной демократии – к русской молодежи», (февраль 1870 г.) Первые три сочинения подписаны именем Бакунина, последнее не подписано но несомненно принадлежит ему. Наоборот, тщательное изучение оригинальных текстов всех других русских изданий, на которое ссылается брошюра Маркса об Альянсе, заставляет меня считать их произведениями Нечаева, который в лучшем случае мог вставить в них некоторые идеи Бакунина, как, напр., несколько соответствующих идеям Бакунина мест о разбойнических движениях в России. На первый же взгляд видно, что большинство этих прокламаций и других изданий не могут принадлежать перу Бакунина, и прежде всего прокламация о русском дворянстве, которую Маркс так злобно использовал в брошюре об Альянсе.

В течение этого времени Бакунин написал также несколько вещей на французском языке о русских делах: о смерти Герцена (в «Marseillaise»), «Письма о революционном движении в России», адресованные Либкнехту в «Volkstaat», апрель 1870 г.); «La Police suisse» (о преследовании Нечаева, в «Progrès», Локль, 19 февраля 1870 г.); легко и популярно написанная брошюра о ценности права убежища в Швейцарии: «les Ours de Berne et l'Ours de St. — Pétersbourg» (Невшатель, 1870 г.) и т. д. Бакунин задался планом об издании в Женеве большого русского журнала, программу которого он развивает в письме к Лаврову от 15 июля 1870 г. Это происходило по всей вероятности после разрыва с Нечаевым, и во всяком случае в то время, когда продолжение сношений с ним стало уже невозможным. Поэтому Бакунин хотел вместе с Огаревым продолжать русскую пропаганду без Нечаева, чему больше всего воспрепятствовало событие, направившее все его планы в другую сторону – немецко-французская война. С этого момента Бакунин поставил своей задачей уже больше не пропаганду и не полемику, а действие.

В течение периода 1868–70 г., когда Бакунин занимался пропагандистской деятельностью, старые и новые клеветники и враги его продолжали ставить ему препятствия на каждом шагу. Марксовская интрига росла и разбухала и нашла себе усердных помощников в женевских политиках, в грязных карьеристах а la Утин в гиенах журнализма вроде

Боркгейма и т. д. Можно заметить некоторое различие между официальной кампанией авторитетных крючкотворов Генерального Совета и женевских организаций и официозной кампанией которую вели посредством лжи и клеветы марксовские лейб-журналисты.

Генеральный Совет отказался 22 декабря 1868г. принять интернациональный Альянс в состав Международного Общества Рабочих, что было правильно с формальной точки зрения. Тогда Альянс распустил себя, его секции также себя распустили или вступили в Интернационал в качестве его секции; так поступила женевская секция Альянса, принятая Генеральным Советом, в качестве секции. (Письмо Эккариуса от 28 июля 1869г.). Женевский центральный комитет отказался, однако, принять женевскую секцию Альянса (август), и то же самое решение по этому поводу, вынес и Романский Федеральный Комитет (сентябрь). Когда же большинство романского конгресса, состоявшегося в Шо-де-Фоне в апреле 1870г., приняло секцию Альянса, то женевское меньшинство оставило конгресс. С тех пор начался раскол между свободной Романской Федерацией, которая стала с ноября 1871 г., называться Юрской Федерацией, наиболее выдающейся по своей революционности из всех швейцарских организаций, с одной стороны и Романской Федерацией женевских политиканов, с другой. Последние отомстили тем, что исключили 13 августа 1870 г. Бакунина, Жуковского и Перрона из женевской центральной секции, не смотря на требование Бакунина о представлении сформулированного обвинения и о суде чести. «Egalité» также была в январе 1870 г. посредством интриги вырвана из рук ее тогдашней редакции и передана пресловутому Н. Утину, сделавшему ее орудием в руках женевских политиканов.

Генеральный Совет вел борьбу против Бакунина за его спиной. Он выпустил против Бакунина циркуляр 16-го января 1870 г. и так называемое «конфиденциальное сообщение» (25 марта 1870 г.). В то же время Утин собирал для Маркса материал об Альянсе. Каким образом собирался этот материал осталось неизвестным; ценность же этого материала мы показали выше.

Сверх всего этого Бакунин был оклеветан в позорных статьях, написанных Боркгеймом и появившихся в берлинской «Zukunft» и в либкнехтовском «Demokratisches Wochenblatt» (1869 г.). Бакунину было также известно, что А. Бебель в своем письме к И. Ф. Беккеру писал про него, что он по всей вероятности русский агент и сотрудник «прусского агента» фон Швейцера. (Письмо Бакунина к Беккеру от 4 августа 1869 г.). Суд чести Базельского конгресса признал, что Либкнехт, напечатавши эту ложь, действовал с предосудительным легкомыслием. Этот урок возымел свое действие ровно на 6 месяцев, в течение которых «Volksstaat» напечатал даже воззвание Бакунина к русской молодежи. С 16 марта 1870 г. Боркгейму опять была предоставлена полная свобода, и он начал в целом ряде заметок клеветать самым отвратительным образом на Бакунина, Герцена, Нечаева и т. д. Другую массу лжи напечатал Мориц Гесс в парижском «Réveil» от 2 октября 1869 г. На конгрессе в Шо-де-Фоне (апрель 1870 г.) выступил с целым рядом клеветнических обвинений Утин вместе с некоторыми женевцами. О том, что писали эти люди по данному поводу в своих письмах друг к другу, дают представление выдержки из писем Маркса, его жены и т. д. к криводушному И. Ф. Беккеру, напечатанных когда-то Р. Рюэггом в «Neue Zeit».

Бакунин горел желанием ответить этой милой компании раз навсегда и этим расчистить себе почву для теоретической борьбы с Марксом. Рукопись его письма в «Réveil», переписка с Герценом и другие касающиеся этого места в письмах к разным лицам показывают, как часто он хотел свести публично счеты со своими врагами; все-таки он постоянно сдерживал себя и молчал, так как он некоторым образом стыдился за Маркса, т. е. он настолько высоко ценил его полезность для движения, что не мог себе разрешить, публично обнаружить его дурной характер и тем, быть может, совершенно устранить его из движения. Таким образом борьба со стороны Маркса велась посредством употребления или злоупотребления предоставленной ему официальной власти и при более чем терпимом его отношении к самым гнусным поступкам своих сторонников и друзей. Он избегал всякой теоретической дискуссии по основным вопросам, как, напр., вопрос о свободе об авторитете, о революции, политике и т. д., и поэтому интернациональные конгрессы, публичность которых ему совершенно не была по вкусу, или совсем не созывались, как это было в 1870 г. и 1871 г., или же превращались, как в 1872 г. в карикатуру конгресса. Так подготавливал Маркс свою формальную победу, в то время, как фактически победило, как мы увидим, левое крыло Интернационала.

Взрыв немецко-французской войны заставил Бакунина приступить к практическому действию. Он предвидел, что за этой войною должен последовать долгий период торжествующего милитаризма, что власть государства возрастет до чудовищных размеров и что таким образом установится та железная неподвижность закостенелой реакции, которую мы до сих пор видим вокруг себя[1]. Всем возможностям, которые носили в себе 60-ые годы, всем надеждам на новый 93-ий или 48-ой год, на этой раз социалистический, который должен был наступить после падения императорского режима во Франции, угрожала верная смерть. Единственно возможным путем спасения Бакунин считал народные восстания, во время войны, имеющие своей целью социализм и разрушение государства. Вместо того, чтобы, подобно руководителям всех рабочих партий, попусту потратить первые решающие недели на провозглашение мирных манифестов, а затем умыть свои руки, Бакунин пытался вызвать движение, по крайней мере, в южной Франции, Италии и Испании. Вначале он был лишен возможности действовать иначе, как посредством всестороннего настойчивого проповедывания этой идеи. Так, он в письме к Огареву от 11 августа сообщает, что за последние три дня он написал 23 длинных письма. В течение следующих недель он мог уже лично встречаться со своими итальянскими друзьями и вместе с тем написал во Францию изложение своих идей о современном положении в ряде писем, из которых часть была немедленно напечатана в сокращенном виде, в форме брошюры, под названием «Lettre à un Français sur la crise actuelle» (сентябрь 1870 г.). Вскоре затем важнейшим пунктом для революционного действия оказался Лион. 4-ое сентября открыло возможность отправиться во Францию и подготовить там же на месте революционное выступление, хотя, конечно, при неблагоприятных обстоятельствах. Бакунин, предварительно поведши между лионцами настойчивую пропаганду необходимости самого быстрого выступления, предоставил затем себя самого в их распоряжение. Предложение это было принято, и во второй трети сентября он выехал из Локарно в Лион через Берн, Невшатель и Женеву. Подготовление продолжалось несколько дней, и все это время он, несмотря на все разочарования, проявлял лихорадочную деятельность возбуждая во всех энергию и объединяя все имевшиеся на лицо силы. Затем наступило 28-ое сентября, день

выступления, когда влияние перешло временно в руки группы Бакунина, но день этот закончился чем то худшим, чем кровавое поражение, а именно – чем то вроде мирного отступления и соглашения, которое означало, конечно, торжество господствующей партии. Тактика последней состояла в том, чтобы в решительный момент как бы исчезнуть с горизонта, и когда революционеры не встретили временно никакого сопротивления, они потеряли свою энергию и были затем легко застигнуты врасплох. Бакунин сам очутился в опасном положении. Втечение нескольких часов он находился в заключении; там его ограбили и вообще обращались с ним грубо, пока его не освободили товарищи. Его выставили в глазах публики козлом отпущения, и ему пришлось скрыться. 29 сентября он оставил Лион и до конца октября он жил нелегально в Марсели, где сочувствовавшие движению партии еще не были разбиты и действительно выступили в ноябре. Оттуда еще он продолжал вести настойчивую пропаганду необходимости дальнейших выступлений в своих письмах в Лион, в которых он писал о своих целях и о требованиях момента, сообщая, между прочим, о своей готовности вернуться туда. На этих же вопросах он останавливается в рукописях (о которых я скажу позже), а также и в наброске одного письма (от 20 октября), относительно которого неизвестно, было ли оно отправлено по адресу. Он уехал из Марселя на отходившем в Геную судне и оттуда возвратился обратно в Локарно, в котором оставался безвыездно до середины марта 1871 года.

Печальный опыт привел Бакунина к глубокому убеждению относительно неспособности и разложения буржуазии, независимо от того, выступает ли она под монархическим, республиканским или псевдо-социалистическим знаменем и укрепил в нем уверенность в необходимости социальной революции. Но вместе с тем он получил впечатления, против которых он боролся и которые впродолжение ряда лет не проявлялись в его действиях и словесных выступлениях: его вера в дремлющие в пролетариате революционные инстинкты и страсти, нуждающиеся для своего пробуждения лишь в примере и инициативе нескольких убежденных революционеров – эта вера впервые была в нем потрясена.

Когда неудача во Франции сделала невозможной для него активную работу а пропагандистской деятельности помешало печальное положение дел в Швейцарии – интриги в Женеве и глубокий кризис, вызванный войной на Юре, – Бакунин бросился на новое поле деятельности; он взялся за теоретическое изложение своих идей, которым он был занят впродолжение целой зимы в Локарно. План этот закончился тем, что вместо теоретического сочинения он стал сначала писать политическую брошюру на современные темы. После изложения положения вещей во Франции и, как раз не беспристрастного обзора развития немцев – эта часть одна только была тогда опубликована под названием «L'Empire knouto-germanique et la Révolution sociale» (май 1871 г.) – он перешел к краткому очерку «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов», за которым последовали блестящие очерки, известные всем под названием «Dieu et l'Etat» (издано в 1882 г.); за ними последовали дальнейшие очерки подобного же рода, важнейшая часть которых впервые была напечатана в 1894 г. и 1895 г. Множество заброшенных рукописей и вариантов показывает, как тщательно Бакунин работал над этим сочинением, которое также, как и его предтеча, Антитеологизм (1867-68 гг.), осталось ненапечатанным. После Коммуны он мог подумать об издании дальнейшей тетради, для которой он написал «введение», в незаконченном виде напечатанное в 1871 г. под названием «La Commune de Paris et la notion de l'Etat» («Парижская коммуна и понятие о государстве»). Но и эта тетрадь

не была напечатана. С другой стороны, тщательная обработка своих мыслей о происхождении религии и государства как раз тогда дала ему возможность особенно блестяще подготовиться к выступлению против Мадзини, напавшего на социализм и Парижскую Коммуну (его письмо в брюссельскую «Liberte», август 1871 г., перевод которого на итальянский язык появился в свет в Милане и послужил началом успешной пропаганды в Италии).

Первое впечатление, произведенное Парижской Коммуной на Бакунина, осталось нам неизвестным. В то время он, быть может, как раз находился на пути во Флоренцию. Во всяком случае и у него был краткий период оптимизма, во время которого он поощрял возникавшие тогда в особенности на Юре планы по оказанию помощи Коммуне. Уже 9 апреля он писал к Огареву: «меня самого била лихорадка, но теперь я остыл. Я слишком ясно вижу, что дело проиграно». Он предвидел расколы внутри Коммуны и безучастное отношение провинции. Он желал хотя бы того, чтобы парижане погибли героически и поставили весь мир перед новым огромным фактом, который пережил бы временную победу милитаризма. И, таким образом, когда он в начале второй половины апреля ездил из Локарно в Сонвилле на Юре и оттуда спустя приблизительно три недели в Локль, где он пробыл около недели, то он имел, между прочим, в виду быть поближе к центру в случае благоприятного поворота событий, но вместе с тем он хотел, как это можно заключить из его письма от 9 апреля, предостеречь от выступлений с недостаточными средствами, которые заранее были осуждены на неудачу.

Он прочел тогда несколько докладов в центральной секции округа Куртелари (май 1871 г.), которые были напечатаны с записи в 1895 г.; они представили собой популярное резюме его идей. В первой половине июля он в печальном настроении вернулся в Локарно, после того, как он и его юрские друзья сделали все, что было в силах, для спасения беглецов Коммуны.

В то время, когда Бакунин вскоре бросился со всей своей энергией в итальянскую пропаганду, столь счастливо начатую полемикой с Мадзини, Маркс был занят подготовкой так называемой Лондонской Конференции (сентябрь 1871 г.), посредством которой он хотел обойти общий конгресс Интернационала, не обещавший ему ничего хорошего.

Согласно известиям, полученным из Лондона, женевские политики оспаривали факт принятия секций Альянса в Интернационал, и когда затем из Лондона был затребован по этому вопросу ясный ответ – да или нет, – то Маркс и его агенты затянули дело на целые месяцы. Понадобилась бурная сцена, описанная Полем Робэном, для того, чтобы заставить Маркса сознаться, что правда в этом случае была на стороне Альянса, о чем было заявлено в письме Г. Юнга к секции Альянса от 25 июля 1871 г. После этого эта секция добровольно себя распустила, для того, чтобы, как она заявила, не служить более яблоком раздора. Ближайшей причиной было стремление не втягивать в спор французских эмигрантов, сочувствовавших принципам секции. С Бакуниным при этом не посоветовались; он протестовал против роспуска, который он рассматривал как унижение, и стал побуждать своих товарищей к составлению мемуара, обсуждавшегося в 1870 г., относительно спорных вопросов в романской Швейцарии, к посылке делегата на Лондонскую конференцию и к

передаче всего спора на третейский суд бельгийского федерального совета. Из всего этого ничего не вышло, только идея «Мемуара» не была оставлена. В конце концов она была осуществлена, и весной 1873 г. появился в свет «Мемуар Юрской Федерации».

Недостаток места не позволяет изложить здесь, как развивался Генеральный Совет Интернационала, состоявший с 1864 г. все из тех же самых лиц, пополнявшийся посредством кооптации и ставший покорным орудием в руках Маркса. Немцы беспрекословно повиновались Марксу, англичане предоставили ему всецело все континентальные социалистические дела, к которым они были совершенно равнодушны, из французов же он, опираясь на такое верное большинство, терпел только тех, кто согласен был действовать вполне по его указке, т. е. людей шестого или седьмого ранга, вроде Серралье или своих родственников (Лонге и Лафарг). После Коммуны появились в Лондоне французские эмигранты, но люди, сочувствовавшие левому крылу, попали в Генеральном Совете в невыносимое положение, а Маркс сблизился, с 1871 г. вплоть до Гаагского конгресса, как раз со старыми врагами Интернационала – бланкистами. Положение стало невыносимым даже для старых друзей Маркса, как, напр., для Германа Юнга, секретаря для Швейцарии, когда за спиною Маркса стал выступать Энгельс, который приехал в Лондон из Манчестера в 1870 г. и действовал в качестве подстрекателя и «натравителя», превзойдя Маркса в злобности и интриганском искусстве.

Генеральный Совет нашел следующее средство для того, чтобы избежать открытой дискуссии. По его решению конгресс 1871 г. не был созван, и вместо него состоялась частная конференция (17–23 сентября 1871 г.) из 23 человек, из которых 14 были члены Генерального Совета. На этой конференции были приняты резолюции по всем спорным вопросам, желательные Генеральному Совету, окончательное редактирование которых он принял на себя; в этих резолюциях сделан был также шаг вперед по пути навязывания Интернационалу «политического действия», т. е. сектантской программы.

Этот скандальный поступок привел, наконец к открытому протесту левого крыла, побуждаемого вновь конституированной в Женеве «Section de propagande et d'action révolutionnaire socialiste», в состав которой входили французские эмигранты, а также прежние члены секции Альянса и между прочими – Жуковский. Жуковский в конце октября ездил в Юру, и после ряда совещаний дело было передано на рассмотрение конгресса Романской федерации, состоявшегося 12 ноября 1871 г. в Сонвилье (Юра). Этот конгресс решил распустить Романскую федерацию и основать Юрскую федерацию, издать предположенный впервые еще в секции Альянса 8 июня 1870 г. Мемуар и разослать циркуляр ко всем федерациям Интернационала, известный и популярный документ, явившийся достойным ответом на произвольные действия Генерального Совета. Он встретил сочувственный прием в французских секциях, в Бельгии, Италии, Испании. Только предложение о немедленном созыве конгресса было заменено постановленной на Рождестве 1871 г. бельгийским Интернационалом выработкой проекта новых статуты для Интернационала.

Бакунин, согласно его собственному заявлению, не имел ни прямого ни косвенного отношения к составлению этого циркуляра. Здесь так же, как и в вопросе о роспуске секции Альянса женевцы, и в особенности Жуковский, близкие отношения которого с Бакуниным

прекратились, действовали самостоятельно и в этом случае поступили даже несколько невежливо по отношению к Бакунину. Он приветствовал появление циркуляра самым горячим образом и стал очень усердно распространять и комментировать его, в особенности в Италии, о чем свидетельствует множество имеющихся на лицо рукописей и писем. Распространял он этот циркуляр и в Испании, с которой у него возникли некоторые разногласия, вскоре впрочем устранившиеся и интересующие нас теперь лишь постольку, поскольку они служат доказательством независимости всех этих групп друг от друга, что разбивает сказку о бакунинской диктатуре, распространявшуюся марксистами, которые, впрочем, иначе и не могли себе представить положение дела.

Бакунин остался также доволен бельгийскими резолюциями, принятыми на Рождестве 1871 г.

Он постоянно имел в виду действительное движение и возможности революционных выступлений и ожидал их в 1872 г., прежде всего в Испании. Чтобы справиться с серьезностью положения и предстоявшими первыми ударами реакции он настойчиво советовал итальянцам образовать в возникающих в большом числе открытых секциях тайные группы из самых решительных элементов; об этом он пишет, например, в одном письме, в марте или апреле 1872 г. (вскоре после смерти Мадзини). Относительно себя лично он желал только одного – остаться незамеченным, и поэтому, когда постоянно распространявшаяся на его счет клевета стала, после назначения Энгельса секретарем Генерального Совета для Италии и Испании, распространяться и в этих странах, он попытался прибегнуть к последнему средству примирения: написать частное письмо Генеральному Совету, и с этой целью он попытался посредством письма к А. Лоренцо в Барселону (май 1872 г.), достать точные сведения обо всем сказанном о нем на Лондонской конференции. Мы видим таким образом, что до последней минуты Бакунин подчинял свою личную обиду интересам дела и отказывался от личных преступлений.

Не так действовал Маркс, как раз в то время увидевший, что одна из составных частей его интриги, «конфиденциальное сообщение», разосланное в марте 1870 г., раскрыто благодаря лейпцигскому процессу о государственной измене (заседание 16 марта 1872 г.), и почувствовавший себя неспокойно благодаря решительному поведению бельгийцев, которых он считал до тех пор на своей стороне (так как он воздерживался от всякого вмешательства в их дела!). Поэтому он вместо прежней кампании, ведшейся посредством писем Энгельса, Сералье и др., перешел к способу открытых доносов. Открыл этот новый поход Лафарг, донесший в брюссельский «Liberté» от 5 мая 1872 г. о существовании тайной «Allianza» в Испании (письмо от 12 апреля). Месяц спустя появилась подписанная Генеральным Советом брошюра «Les pretendues Scissiones dans L'Internationale», в которой Бакунин и его друзья подвергаются самым гнусным нападкам. В ответ на эту брошюру появился в «Бюллетене» Юрской федерации (15 июня 1872 г.) ряд писем, а также письмо Бакунина от 12 июня, в котором он заявляет, что ожидает регулирования личных разногласий от суда чести на ближайшем конгрессе; что же касается общественных вопросов, то он по этому поводу издаст брошюру еще до конгресса. Брошюра эта не появилась в свет, но имеется обширная рукопись «Aux compagnons de la Fédération des sections internationales du Jura», очевидно представляющая незаконченный набросок этого сочинения.

Бельгийский проект статута, совершенно отменявший Генеральный Совет, был изменен бельгийским конгрессом (19 и 20 мая 1872 г.) в том смысле, что Генеральный Совет был сохранен, но члены его должны были впредь избираться самими федерациями, чем конгресс старался устранить авторитарные замашки Генерального Совета. Юрский конгресс (18 августа 1872 г.) дал делегатам федерации императивный мандат выступить на общем конгрессе с требованием отмены Генерального Совета, действовать солидарно с испанским, итальянским, французским и всеми остальными антиавторитарными делегатами и оставить конгресс, в случае, если какой-либо из этих делегатов не будет на него допущен; так же было наказано делегатам поступить, если конгресс не согласится на свободническую реорганизацию Международного Общества Рабочих. По поводу личных вопросов делегаты должны были рекомендовать полное забвение прошлого, на будущее время – суды чести и исключение клеветников. Ненапечатанный в «Бюллетене», но опубликованный в «Favilla» (Мантуя, 27 августа 1872 г.), пункт этого мандата решает в случае ухода с конгресса: выразить протест и устроить совещание антиавторитарных делегатов для назначения места нового конгресса. Эта тактика, направленная против вынесенного Генеральным Советом 18 июня решения о созыве конгресса в Гааге, была очевидно выработана в полном согласии с Бакуниным, а быть может, даже была непосредственно им предложена. Во всяком случае именно в этом направлении он и его друзья старались повлиять на своих итальянских и испанских сторонников.

Итальянский Интернационал, который уже раньше, несмотря на совет Бакунина, не хотел подчиняться формальностям, будучи действительно настроен революционно, по собственной инициативе, зашел дальше предложений и советов в духе этой тактики. На своей конференции в Римини итальянцы вынесли свою известную резолюцию (6 августа), в которой они заявляют о своем полном разрыве с Генеральным Советом и обращаются к антиавторитарным секциям с предложением не являться в Гаагу, а созвать на тот же день антиавторитарный конгресс в Невшателе. Марксисты старались изобразить дело так, будто это решение было инспирировано Бакуниным, и Энгельс усматривает в нем, «отступление по всей линии» (письмо от 21 августа 1872 г.). Но это совершенно неверно. Было ясно, что дело дойдет до ухода с Гаагского конгресса, и что в Швейцарии (Юра) будет созван антиавторитарный конгресс. Но совершенно не присутствовать на Гаагском конгрессе – это сильно ослабило бы влияние вышеуказанной тактики. Сохранившиеся письма из Италии (август 1872 г.) также показывают, как неудобна была эта резолюция, и как искали средства не приводить ее в исполнение, не беря ее в то же время обратно. Юрцы и испанцы решили обязательно присутствовать на Гаагском конгрессе; итальянцы воздержались от этого и в начале сентября приехали в Швейцарию на антиавторитарный конгресс. Там Бакунин познакомился с некоторыми из них, которых он до сих пор не знал лично; в числе их был и Малатеста.

Таково было положение дел накануне Гаагского конгресса.

С июня 1871 г. Бакунин оставался в Локарно. Его материальное положение было в то время очень стесненное, а в августе 1872 г. он сверх того болел несколько недель. С весны 1872 г. его итальянские и русские связи умножались; в Цюрихе его посетили Кафиеро и группа русской молодежи. В конце августа он ездил в Невшатель, а затем опять в Цюрих.

Я пропускаю детали его пропагандистской деятельности на Юре. Главная часть его деятельности была направлена на Италию и Россию.

В самом начале знакомства Бакунина с Мадзини, происшедшем в Лондоне в 1862 г., обнаружилось самое острое противоречие между их взглядами на все политические, социалистические и религиозные вопросы: с одной стороны, унитаризм, псевдосоциализм и мечтания о боге Мадзини, с другой – федерализм, революционный социализм и атеизм Бакунина. Когда Мадзини выступил в «Roma del Popolo» против коммуны и Интернационала, в особенности в статье «к итальянским рабочим» (13 июня 1871 г.), Бакунин возразил ему в переведенном и выпущенном в качестве приложения к миланской «Gazzettino Rosa» «Riposta» («Ответе») (14 августа), оригинал которого появился в брюссельской «Liberté» (18 и 19 августа). Это одно из лучших его литературных произведений, в котором также соблюдена пропорция между отдельными частями, чего не хватает во многих его писаниях. Позже появилась «Riposta all'Unita Italiana» («Gazz. R.», 10–12 октября) и напечатанная в сентябре в Невшателе брошюра «La Théologie politique de Mazzini et l'Internationale». Мадзини, который впрочем вскоре заболел и умер в марте 1872 г., не делал никаких существенных возражений, но его последователи начали злобную, личную полемику против Бакунина, и ненависть между мадзинистами и интернационалистами привела в отдельных местах, в особенности в Романье, к политическим убийствам.

По желанию римского рабочего конгресса (1 ноября 1871 г.) Бакунин написал более обстоятельную брошюру «Al miei amici d'Italia...», первое издание которой пропало неизвестно куда; она была вторично напечатана под названием «Il Socialismo e Mazzini» (Анкона, 1885 г., а затем недавно – Имола, 1901 г.).

Большое число рукописных отрывков показывает, в каком виде Бакунин хотел выпустить дальнейшие части своего сочинения «Théologie politique» и внести туда постепенно все свои идеи в виде единого целого. Однако, он прервал полемику, отчасти потому, что цель ее была достигнута. Интернационал в Италии достиг очень сильного развития, а мадзинисты показали себя настолько реакционными, что с ними считались только как с врагами социализма, но уже не как с соперниками его.

Мы располагаем обширным материалом об итальянской агитации Бакунина в течении лета 1871г. Наряду со старыми связями в Неаполе и Флоренции он завязал новые в Милане (из них следует отметить Виченцо Пецца; за ними последовали связи в Романье, Эмилии и т. д. из этих следует назвать Черетти в Мирандоле (через которого Бакунин иногда сносился с Гарибальди), Набруцци в Равенне и позднее Андреа Коста в Имоле и Болонье. Несколько раз закрытая организация в Неаполе вновь была восстановлена в 1871–72 г. г., и Кафиеро, со времени своего посещения в Локарно весной 1872г. а также несколько позже Э. Малатеста, стали самыми близкими товарищами и друзьями Бакунина. Последний считал существенной частью своей деятельности привлечение во всех местах нескольких интеллигентных и решительных рабочих, которых он знакомил во всех деталях со своей более тесной программой; эти уже, со своей стороны, об'единяли рабочую массу в секции на почве экономической солидарности и вели в ней пропаганду, одновременно привлекая наиболее энергичных рабочих к бакунинским идеям. Эти «интимные друзья», как их называли, находились в постоянных сношениях с Бакуниным, и эти частые связи и были «Альянсом».

Письма, адресованные в Романью, дают возможность наблюдать эту агитацию в деталях. Наиболее интересное из этих писем, адресованное Черетти (март или апрель 1872 г.), напечатано в «Société Nouvelle» (февраль 1896 г.); за ним следует длинное письмо от 23 января («al Rubicone...») и т. д. Для нас невозможно останавливаться на отдельных фактах, имевших место в Неаполе, Сицилии, Турине, Милане, Романье, Флоренции и т. д., а также и на постепенном слиянии секций, закончившемся на конференции в Римини (август 1872 г.). Таким образом образовалась итальянская федерация Интернационала, первым органом которого (октябрь 1872 г.) была «Rivoluzione sociale», печатавшаяся в Швейцарии (мною были найдены два номера этого издания).

Личные отношения между Бакуниным и Гарибальди были гораздо дружественнее, чем между ним и Мадзини, но Бакунин никогда не пропускал случая подвергнуть резкой критике недостатки точки зрения и тактики Гарибальди.

Следует еще упомянуть о том, что марксизм был в Италии неизвестной величиной и что итальянский Интернационал после того как он в течение некоторого времени имел дела с Энгельсом, как с секретарем Генерального Совета, возмущенный формализмом, господствовавшим в Интернационале, первый перестал обращать на него внимание и при этом, вскользь будет сказано – действовал совершенно противоположно тому, что настойчиво советовал Бакунин.

История испанского Интернационала в течение 1871–72 г. г. показывает нам наряду с сильным развитием секций и профессиональных союзов, которые стояли все на точке зрения коллективистского анархизма, бессильную попытку Лафарга пересадить марксизм на почву Испании. Эта попытка выразилась главным образом в целой кампании интриг против «Alianza», а затем в публичном доносе Лафарга на эту организацию, за которым последовали неслыханные угрозы Энгельса (письмо от 24 июля 1872 г.). Это привело к роспуску предательски выданного Альянса. Мы не имеем подробных сведений о связи Бакунина с Испанией, – главным образом с Р. Фарга Пелисером, в течение некоторого времени с Г. Сентиплоном, с Т. Г. Мораго, с Алерини (из Марселя), затем с Винасом и др. – так как в нашем распоряжении нет писем, относящихся к ним. Однако некоторые обстоятельства, имевшие место в Барселоне в конце 1871 г., а также наброски или черновики писем в Испанию, написанные весной 1872 г., в которых Бакунин не советовал распускать Альянс, показывают, что его влияние в практических делах было незначительно, несмотря на то, что в принципиальных вопросах испанцы были с ним вполне солидарны. Идеи Альянса распространялись из Испании, судя по некоторым данным, также и в Португалии, и Бакунин, очевидно, писал и туда. Но португальский Интернационал вскоре исчез.

Русская пропаганда Бакунина была почти совершенно прервана с лета 1870 г. вплоть до весны 1872 г., так как дело Нечаева, о котором только лишь очень немногие имели точные сведения, вызвало бесконечные недоразумения. В течении этого периода почти один только А. Росс в Цюрихе оставался доверенным лицом Бакунина. Только весной 1872 г. несколько молодых русских студентов эмигрантов, учившихся в Цюрихе, посетили Бакунина в Локарно, познакомились с делом Нечаева, и быстро сошлись с Бакуниным, образовав вместе с ним группу, вокруг которой стали организовываться многие цюрихские студенты и студентки.

Бакунин жил в Цюрихе с конца июня 1872 г. и своей личностью производил на молодежь сильное впечатление. Славянская Секция Интернационала объединяла русских, поляков и юго-славов на почве составленной Бакуниным программы; вторым центром движения стала русская библиотека в Цюрихе. Последняя попытка Бакунина повести агитацию среди поляков, в польском социалдемократическом обществе, осталась безуспешной. Для дальнейшего развития пропаганды необходимо было приступить к выпуску русских изданий. Попытки войти в соглашение с Лавровым, подготовлявшим издание журнала «Вперед», кончились неудачей, и между сторонниками Бакунина и Лаврова происходили острые трения.

В это время был арестован в Цюрихе Нечаев, живший с 1870 г. тайно в Лондоне, Париже, Цюрихе и др. городах. Арест его (14 августа 1872 г.) произошел вследствие предательства поляка Стемпковского. 27 октября он в качестве якобы уголовного преступника был выдан цюрихским кантоном России. Швейцарское правительство меньше всего было озабочено тем, что после выдачи Нечаева он вместо того, чтобы быть сосланным в Сибирь, был заключен в качестве политического преступника в петербургскую крепость, что лучше всего показывало лживость мотивировки, посредством которой русское правительство настаивало на его выдаче. Он умер в конце 1882 г., постоянно давая в течение этих десяти тюремных лет доказательства своей неукротимой энергии.

В октябре 1872 г. Бакунин возвратился в Лондон, и только еще один раз, весной 1873 г., он приезжал в Цюрих. В конце зимы 1872–73 г. бакунинским кружком в Цюрихе была основана русская типография, выпустившая главным образом три больших тома («Издания социально-революционной партии»): в конце августа 1873 г. появилось «Историческое развитие Интернационала», куда вошли избранные статьи из бельгийских и швейцарских журналов Интернационала вместе с главами, которые их связывали между собой, в том числе было также изложение возникновения «Альянса». В 1874 г. появилась «Государственность и Анархия» Бакунина, являвшаяся началом широко задуманного труда; затем «Анархия по Прудону» не принадлежащая перу Бакунина. В приложении к «Государственности и Анархии» резюмируются последние идеи Бакунина относительно пропаганды в России, там заявляется, что молодежь должна идти в народ, знаменитый лозунг, который многие в течение этих лет с большими жертвами проводили в жизнь. Молодежь в состоянии пробудить и объединить бесчисленные революционные силы, дремлющие в народе – так думал Бакунин. Чувствуется сходство между взаимоотношениями молодежи и народом, с одной стороны, и «Альянсом» и Интернационалом с другой, между «интимными друзьями» и несознательной, но исполненной революционных инстинктов массой. Эта идея проглядывает, во всем что было в то время написано Бакуниным.

Резкое личное расхождение между некоторыми из членов теснейшей группы Бакунина привело к расхождению между ними, причем Бакунин был на стороне А. Росса, между тем как отделившиеся Ралли, Эльсниц и Гольштейн предприняли собственное издательство. Они начали с издания брошюры «К русским революционерам» (сентябрь 1873 г.), в основу которой в действительности легла составленная Бакуниным программа тайной организации. Такой образ действий делал разрыв неизбежным.

После того, как печатание трех томов было закончено, типография закрылась. Цюрих после царского указа о возвращении в Россию русских студентов потерял свое значение в качестве русского центра, и здесь заканчивается русская пропаганда Бакунина в более широком смысле этого слова; с тех пор она ограничивается только воздействием на отдельных посещавших его русских.

В полной Биографии дано детальное изложение всего, что происходило на Гаагском конгрессе (2–7 сентября 1872 г.), составленное по заметкам Жуковского. Только знакомство с этим изложением дает возможность понять вероломство руководителей снабженного американскими, французскими и немецкими мандатами, «большинства» по отношению к «меньшинству», состоявшему из делегатов федераций Бельгии, Голландии, Испании и Юры. Я опускаю все другие пункты и напому только о так называемой следственной комиссии по долу «Альянса», составившей полный противоречий доклад и потребовавшей исключения Бакунина, Гильома и Швицгебеля из Интернационала, – Бакунина, не только из-за причин общественного характера, но еще якобы и из соображения, имеющего личный характер, причем в докладе были употреблены самые оскорбительные возражения по его адресу. Надо заметить, что следствие оставалось долгое время безрезультатным и сделало решительный поворот в сторону обвинения лишь после вмешательства Маркса. Что же касается личного обвинения Бакунина, то в основу его были положены действительные своевольные поступки Нечаева, но Бакунин был здесь непричем. Жившие в Женеве и Цюрихе русские эмигранты опубликовали протест против этого оскорбления Бакунина (4 октября 1872 г.), что вполне достаточно для его реабилитации, но сторонники Маркса никогда ничем не отозвались на этот протест. Конгресс действительно исключил из Интернационала Бакунина и Гильома 27 (25) против 6 (9) голосов при 7 (8) воздержавшихся!

Само собою разумеется, что после этого события меньшинство по достоинству оценило поведение лидеров большинства. 7-го сентября делегаты меньшинства сделали свое известное заявление, согласно которому представленные ими федерации сохраняют формальную связь с Генеральным Советом, перенесенным в Нью-Йорк, но вступают одновременно в прямую связь между собою; согласно этому заявлению, они должны были также встать на защиту всех федераций, которым угрожала опасность со стороны Генерального Совета. Можно сказать, что принятие этого решения означало освобождение одним ударом от власти Маркса в Интернационале. Маркс посредством долголетней интриги создал для себя автократический аппарат управления, который должен был руководить движением всех стран и принуждать к душеспасающему «политическому действию» (т. е. к выборам!). В момент, когда эта задача его казалась достигнутой, когда ему даже удалось стряхнуть своих ближайших союзников и в то же время врагов, бланкистов, посредством перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк, в руки своей креатуры Ф. А. Зорге, в тот момент, когда «политическое действие» (сектантская программа) стало обязательным – в момент величайшего триумфа, личной мести Бакунину и его друзьям – в этот самый момент здание лжи и обмана сразу рухнуло: те, кем он собирался управлять, действительно живые массы Интернационала, сразу все ушли от него. Если все свободническое направление обозначить как бакунинское, то результат был таков: У Маркса остались статуты, Бакунин же имел Интернационал, – первый получил пустую скорлупу, второй все ядро. Никто не мог бы сам себя вернее и решительнее выставить за

дверь, чем это сделал Маркс посредством Гаагского конгресса.

Заявление меньшинства в главной своей части основывалось на изложенной вкратце в императивном мандате Юрской федерации тактике, представлявшей в очень выдержанной форме точку зрения Бакунина. Дальнейшее проведение этой тактики произошло на конгрессе в Сан-Имье (Юра), 15 и 16 сентября, на котором делегаты итальянской, испанской, юрской и французской секций приняли ряд резолюций, большей частью составленных присутствовавшим на конгрессе Бакуниным. После обсуждения вопроса, следует ли порвать и формальные сношения с Генеральным Советом, который потерял уже моральное признание, или следует принять выжидательную точку зрения, сформулированную в декларации меньшинства – было решено – по настоянию итальянцев – пойти на полный разрыв. Затем был принят «Договор дружбы, солидарности и взаимной защиты свободных федераций», в котором еще раз формулировалась тактика императивного мандата. Остальные резолюции имеют теоретический характер.

Бакунин начал писать в октябре 1872 г. общий ответ на нападки на него в форме длинного письма в брюссельскую «Liberté» (впервые напечатано в «Société Nouvelle», июль-август 1894 г.), но он не закончил ни этого письма, ни начатую в конце года рукопись, продолжение «Empire knouto-germanique». В виду недостаточного количества имеющихся писем и рукописей за период 1872–1873 г. г. мы можем говорить о его точке зрения на тактику Интернационала только по неподписанным, но несомненно им набросанным, резолюциям по этому вопросу итальянского конгресса, состоявшегося в марте 1873 г. (см. ниже).

Нет возможности останавливаться здесь на сочувственном приеме, оказанном резолюциям, принятым на конгрессе в Сан-Имье, федерациями, принимавшими участие в этом конгрессе. Но всетаки разрешение вопроса о созыве самостоятельного конгресса, который должен был состояться уже в марте, не подвигалось своевременно вперед, и бельгийцы, в известном смысле образовавшие правое крыло, в то время как итальянцы составляли левое, а испанцы и юрцы центр – так же как в 1871 г. после юрского циркуляра – действовали осторожнее всего. Несомненно набросанная Бакуниным резолюция для Мирандолы – в действительности конгресс состоялся в Болонье (март 1873 г.) – предлагает, чтобы на общий конгресс итальянские делегаты были допущены только под условием подчиниться договору о солидарности и с тем, чтобы у них был мандат, включающий следующие пункты: 1. Восстановление старых предпосылок («Considéranths») Интернационала (в том виде, в каком они были вотированы в Женеве в 1866 г.) – 2. Солидарность в экономической борьбе, как единственное обязательное связующее начало и полная автономия во всем остальном. – 3. Уничтожение всякого авторитета и центральной власти в Интернационале и полная автономия секций и федераций. Эту резолюцию мы можем рассматривать как первое и последнее условие Бакунина для восстановления нормального положения в Интернационале. Общеизвестно, что свободнически настроенные федерации всегда чувствовали себя свободными и смотрели на Генеральный Совет только как на корреспондентское бюро. Резолюция эта положена также в основе реорганизации Интернационала, произведенной на Женевском конгрессе (сентябрь 1873 г.), и она показывает также, что существование Интернационала продолжалось и что из его рядов исчезли только марксовский Генеральный Совет и несколько секций фанатичных

социал-демократов или политиканов.

Дискуссия о ближайшем конгрессе была, наконец, закончена бельгийским предложением, которое гласило, что Юрская федерация должна подготовить созыв общего конгресса в Швейцарии. Юрцы предложили тогда Женеву, где впоследствии Ф. А. Зорге созвал также и авторитарный конгресс.

В конце апреля 1873 г. появился «Мемуар» Юрской Федерации, наиболее важный взнос в историю Интернационала и образец спокойного, делового изложения фактов.

Деятельность Нью-йоркского Генерального Совета не заслуживает того, чтобы мы на ней останавливались; повсюду полнейший провал и бессильное важничанье; свободнические федерации отрешаются от церкви все вместе и каждая в отдельности; уполномоченные для Франции, пользующиеся печальной известностью д'Энтрег и Ван-Геддегем, превращают свои организации в полицейские гнезда; Романская федерация женевских политиканов разлагается и т. д. Женевский «конгресс» 1873 г. увенчал конец этого вполне провалившегося предприятия, а в июле 1876 г. последовал, наконец, и формальный роспуск.

Последним ударом Маркса и Энгельса, увидевших, что все их хитроумно возведенное здание рушится, была составленная ими (вместе с Утиным) брошюра об Альянсе («L'Aliiance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des travailleurs», 1893 г., датировано 21 июля). В основу испанской главы этой брошюры положена брошюра Лафарга. Это сочинение совершенно лживо уже в самом своем замысле и кишит извращениями в деталях; ни одной цифры в нем нельзя оставить непроверенной. Основой ее послужили исключительно документы, самой следственной комиссией по делу Альянса в Гааге обозначенные в качестве проектов, относительно действительного значения которых для какого бы то ни было времени не было приведено ни одного хотя бы самого незначительного доказательства; затем существование «Alianza» в Испании, связь которого с какой-либо организацией вне Испании не доказана; и наконец письмо Бакунина к А. Мора (5 апреля 1872 г.), в котором упоминается об Альянсе в Италии, Испании и Швейцарии, но без указания на то, в какой форме он существует. Наряду с этим не выдерживающим критики ничтожным материалом имеется обширный вымышленный материал, созданный произвольно тем путем, что каждый поступок, каждый шаг какого-либо принадлежащего к свободническому направлению лица или секции обозначается как поступок «Альянса», причем ему приписываются самые дурные мотивы. Трудно себе представить менее ценный для истории и более лживый материал. Бакунин покончил с этой брошюрой в одном письме в «Journal de Genève» (25 сентября 1873 г.).

Согласно своему плану уйти от публичной деятельности Бакунин не принимал участия в Женевском конгрессе (1–6 сентября), хотя он впрочем тогда как раз прибыл в Берн из Локарно и виделся с некоторыми из участников конгресса. Конгресс, в котором приняли участие делегаты из Швейцарии, Испании, Италии, Франции, Бельгии, Голландии и Англии, реорганизовал Интернационал на свободнических началах и заменил Генеральный Совет федеральным бюро, функции которого на первое время были возложены на бельгийскую федерацию. За Женевским конгрессом последовали конгрессы в Брюсселе (1874 г.), Берне (1876 г.), Вервье (1877 г.), продолжателями которых можно считать – не в организационном,

а в принципиальном смысле – Лондонский конгресс (1881) и съезды Женевский (1882 г.) и Барселонский (1885 г.).

После этой полной победы свободнического направления Бакунин в упомянутом письме от 25 сентября, а также в прощальном письме к товарищам Юрской федерации («Bulletin» (Яффи: ??????), 12 октября 1873 г.), заявил о своем уходе из Интернационала и от публичной деятельности. Этот шаг должен был в действительности маскировать его решение отдаться всецело широкой тайной революционной деятельности, для которой, как ему казалось в 1873–74 г. г., в последний раз, опять складывались благоприятные условия.

Проезжавшие с Гаагского конгресса через Швейцарию испанские делегаты, приехавшие в Цюрих итальянцы и некоторые другие имели накануне конгресса в Сант-Имье совещания с Бакуниным в Цюрихе, на которых частные связи, (т. е. «Альянс») были реорганизованы. К сожалению для 1872–73 г. нет почти никаких прямых источников о деятельности Бакунина. Его образ жизни в Локарно рисуют нам записки И. Соколова. Летом планы Кафиери нашли окончательное выражение в том, что было приступлено к покупке и перестройке виллы «Бароната».

В Италии после конгресса в Болонье (март 1873 г.) состоялся ряд провинциальных конгрессов, и были основаны областные федерации. Болонские резолюции, как уже было сказано, частью несомненно редактированы Бакуниным; восьмая резолюция содержит в себе теоретическую программу Бакунина; через посредство этой резолюции конгресс признает, себя атеистическим и материалистическим, анархистским и федералистическим; он высказывается за коллективную собственность, представляя ее организацию мысли и инстинктивному действию свободной коммуны и свободной ассоциации.

События, имевшие место в 1873 г. в Испании, возбудили надежду в возможность торжества революции, и по настоянию испанских друзей Бакунин решил сам поехать туда. Это его намерение не удалось осуществить вследствие недостатка денежных средств и ареста человека, посланного достать деньги. Бакунин хотел тогда прежде всего направиться в Барселону, которая впрочем по своей роли в тогдашнем движении уступала целому ряду небольших городов – Алькой, Сан Люнар де Баррамеда и т. д. В действительности, насчитывавший так много секций и членов испанский Интернационал не выполнил того, чего от него можно было ожидать. Движение в разных местах начиналось в политической форме, и интернационалисты, ненавидевшие политику, уже слишком сторонились от него. По различным признакам можно заключить, что это не было во всяком случае точкой зрения Бакунина, который несомненно попытался бы как в 1870 г. и 1874 г. – объединить все партии, участвовавшие в движении. Возможно поэтому, что его поездка в Испанию существенно изменила бы позицию Интернационала и тем самым воспрепятствовала бы тому, что восстания были подавлены каждое в отдельности. Так пала в конце концов и Картагена после осады, длившейся несколько месяцев, 10-ого января 1874 г. Интернационал был закрыт правительством Серраноса, и он должен был после этого в течение семи лет существовать в виде нелегальной организации, имевшей свои конгрессы, избиравшей комиссии, издававшей газеты и т. д. Без подготовительной школы, которой был испанский Альянс, это единение было бы гораздо труднее провести в жизнь.

Французские связи Бакунина в этот период ограничивались, как показывает письмо от 11 января 1873 г, немногими личными знакомыми. В Юрской федерации Бакунин более не выступал.

В августе 1873 г. Кафиеро настоял на том, чтобы Бакунин совершенно ушел из легального движения, чтобы развить еще более серьезную тайную революционную деятельность. Согласно этому он об'явил в упомянутых письмах, написанных в сентябре и октябре, о своем уходе и благодаря приобретению виллы «Бароната» на северо-восточном берегу Лаго Маджоре, к северу от Локарно, превратился как-будто в ушедшего от дел буржуа. После недолгого пребывания в Берне, с начала сентября до октября, он жил все время до июня 1874 г. в «Баронате».

Мысль Кафиеро не оправдалась. «Бароната» стала правда, приятным временным убежищем для некоторых итальянских и других членов Интернационала, и в 1874 г. в ее стенах действительно велось подготовление итальянского революционного движения. Но финансовая сторона дела не была правильно рассчитана. Необходимая перестройка дома, ряд других расходов, по устройству сада и т. д., а также непрактичный образ жизни поглотили большие суммы, и Кафиеро лишен был возможности продолжать этот эксперимент. По поводу создавшегося положения имеется, наряду с преувеличенными слухами, подробное изложение самого Бакунина, к которому я должен отослать читателя. В июле 1874 г. выяснилось, что затягивать дальше прежнее положение невозможно, и Бакунин оставил Локарно, куда он уже более не возвращался.

В то время готовилось последнее движение, в котором ему суждено было участвовать. После поражений во Франции и Испании один только итальянский Интернационал остался нетронутым. В предполагавшемся движении должны были принять участие все прогрессивные партии, и в действительности были установлены связи с гарибальдийцами и самим Гарибальди и даже с менее доктринерскими элементами из мадзинистов. Эти связи, правда, не привели к какому либо окончательному соглашению, и следы их исчезли после неудачи движения, но в то время они все же несомненно существовали. Экономический кризис, вызвавший, начиная с весны целый ряд местных голодных бунтов, дал возможность установить связь с народными массами. С января 1874 г. распространяли нелегально издававшиеся летучки «Итальянского Комитета социальной революции». Движение должно было начаться в августе. После арестов мадзинистов в Вилли Руффи правительство начало распускать интернационалистические и демократические кружки в отдельных областях (начало августа). Все это, а также арест членов Интернационала в Равенне (26 июня) еще более ускорило взрыв движения, которое должно было начаться в Болонье.

Остается неизвестным, в какой форме Бакунин предполагал в самом начале участвовать в этом движении. Но после ряда событий, происшедших в июле 1874 г., о которых невозможно передать вкратце, он решил поехать в Болонью, где он рассчитывал умереть. 27 июля он выехал из Локарно в Шплюген, 29 июля он поехал дальше в Колико на озере Комо, а затем через Верону в Болонью, куда он приехал 30 июля ночью и где он встретился с А. Коста, главным подготовителем движения. После кратковременных поездок в Рим и Ровиго Коста был арестован в Болонье 5 августа вечером. Бывший с ним в это время Альцест Фаджиоли успел спастись и предупредить Бакунина, которого немедленно перевели на другую

квартиру. После совещания 6 августа и последнего большого совещания, состоявшегося вечером 7 августа, наступила ночь с 7 на 8 августа, в которую должно было начаться движение. Тогда группы интернационалистов направились из Имоллы в Болонью, а местные собрались на Pratti di Caprara, за городом где раздавалось оружие. Ближайшей задачей было овладеть утром Болоньей. Но собравшиеся ночью, которых вначале было очень много, не обладали достаточным мужеством, чтобы действовать решительно. Группы, направлявшиеся из Имолы, были на полпути задержаны солдатским отрядом. Самые решительные из собравшихся на Pratti di Caprara дрались в горах, но солдаты быстро обратили их в бегство, и в Болонье попрежнему воцарилось спокойствие. Бакунин, прождавший всю эту печальную ночь на своей квартире и оставленный в одиночестве между 3-им и 4-ым часом утра, решил покончить с собой в 4-ом часу, от чего его удержал возвратившийся к этому времени товарищ, тот самый, который приютил его.

Но даже и тогда, очевидно, не была вполне брошена надежда на возможность поднять движение, и от'езд Бакунина из Болоньи в Швейцарию имел своей ближайшей целью, как видно, совещание с Кафиеро по этому поводу. 12 августа он уехал из Болоньи, переодетый сельским священником, а затем отправился из Модены во Флоренцию вместе с Ф Натта, с которым он часто виделся в Болонье. Отсюда он поехал через Верону и озеро Комо опять в Шплюген, где он напрасно целую неделю ожидал Кафиеро и откуда он писал 20 августа, что он намерен возвратиться туда, откуда он приехал, т. е. в Италию.

Но и все остальные попытки движения в Италии едва только начинались или сразу же терпели неудачу. Подготовка его в Тоскане привело к судебным процессам во Флоренции, Ливорно и Массе, подготовка в Сицилии, Калабрии и Апулии (где Малатеста с некоторыми товарищами действительно в течение нескольких дней действовали в Кастель дель-Монте в качестве повстанческого отряда) привело к процессу в Трани. Несколько судебных процессов имели место в Риме и Перуджии. Самым значительным был судебный процесс в Болонье, длившийся с марта до июня 1876 г. и закончившийся оправдательным приговором. Действительное участие Бакунина в этих приготовлениях не было раскрыто во время этих процессов.

Можно доказать, что в последние дни своего пребывания в Шплюгене, 24 или 25 августа 1874 г., Бакунин решил окончательно уйти от общественной деятельности; «j'en ai assez de la politique et des entreprises revolutionnaires, ma dernière expédition m'en a décidément enlevé le gout – et je suis assez vieux pour bien avoir le droit de prendre ma démission» («Довольно с меня политики и революционных предприятий – моя последняя экспедиция решительно заставила меня потерять вкус к ним – и я достаточно стар, чтобы иметь право выйти в отставку») – так писал он вскоре после этого. Его опыт в Италии, где ему давали преувеличенные сведения о средствах, имеющихся для организации движения, а также личные огорчения со стороны людей, стоявших к нему очень близко, объясняют его тогдашнее пессимистическое настроение. 26 августа он выехал из Шплюгена через Цюрих и Фрибург в Сьерр (кантон Валлис), где с 6 сентября его след теряется. Только 9 октября мы его находим в кругу своей семьи, в Лугано, куда он только что прибыл. Там он прожил почти до самой своей смерти.

С тех пор Бакунин жил действительно в стороне от всякой революционной деятельности. Он, правда, преодолел фазу пессимизма, охватившего его в течение лета и осени 1874 г., но реакция настолько восторжествовала, что не было никакого движения, которому он мог бы отдать свои последние силы. Связь между остатками движений различных стран также была почти прервана, и Бакунин имел возможность встречаться только с отдельными своими посетителями – русскими, итальянцами, французами и др.

Злобная клевета не оставляет в покое и последние двадцать месяцев его жизни, омраченные материальными заботами. Стараются заставить поверить, что он под конец своей жизни стал придерживаться даже умеренных взглядов, или что его умственные способности ослабели. Но как личные сообщения, так и ряд писем и отрывков рукописей совершенно опровергают эти утверждения.

В одном отрывке из письма от 13 февраля 1875 г. он пишет: «я совершенно с тобою согласен, что час революции прошел, не вследствие ужасных несчастных случаев, которых мы были свидетелями, или страшных поражений, жертвами которых, более или менее виновными, мы были, – но потому что я, к своему величайшему отчаянию, констатирую и ежедневно вновь констатирую, что революционная мысль, надежда и страсть абсолютно отсутствуют в массах, а когда их нет, то сколько ни напрягай своих сил (*«on aura beau se battre les flancs»*), все равно ничего не добьешься»... Он восхищается терпением и выдержкой тех, кто продолжает вести пропаганду, но самого себя он чувствует для этого слишком старым, слишком слабым и уставшим и во многих отношениях слишком разочарованным (*«désabusé»*). Он чувствует очень сильное желание отдаться научному, совершенно об'ективному изучению причин торжества реакции.

Между тем как во время своей пропагандистской деятельности он считал религиозные предрассудки масс в известной степени безвредными, чем-то таким что является формой выражения экономических стремлений бедняков (небо, это – утопия, социализм бедных) и между тем как он в период практической деятельности считал церковную реакцию бессильной и менее важной чем государство, с которым следовало бороться непосредственно, – он теперь, в период спокойного анализа, возвратился опять к религии и духовенству, как к самой ненавистой форме реакции. По отношению к ней ему даже Бисмарк, представитель наиболее суровой государственности, казался, заслуживающим признательности благодаря его участию в *«Kulturkampf»*е, и он с удовольствием следил за этим движением. 18 октября 1875 г. он писал на немецком языке следующее: «теперь мне опять представляется полезным, необходимым поднять старый, забытый клич энциклопедистов: *«Ecrasons l'infâme»*, и как в мое доброе старое фанатичное время, когда я имел обыкновение говорить: «Что вы мне рассказываете о непартийности, мы оставим непартийность Господу Богу!», – так же и теперь я опять начинаю мало заботиться об абстрактной справедливости: все, что уничтожает церковь и попов, справедливо в моих глазах»... В этом смысле он интересовался борьбой республики против клерикализма во Франции, и он очень был обрадован результатами выборов 20 февраля 1876 г. – я думаю, что он и в этом пункте правильно предвидел будущее: рабочее движение разных стран стало с семидесятых годов на путь политики и социального реформизма и не вело с тех пор серьезной борьбы против государства и церкви, благодаря чему их власть очень выросла и укрепилась, чему мы теперь являемся свидетелями.

Приходится отказаться здесь от изображения жизни Бакунина в Лугано. Об этом много трогательного, хотя и с преувеличениями, внушенными впрочем самыми лучшими намерениями, Артура Арну. Когда Бакунин был здоров, его интересовало все, в том числе сельское хозяйство, местные дела – и, больше чем он сам себе признавался, социалистическое движение, получившее в Италии опять несколько большую свободу проявления, но он часто болел и много страдал. Он хотел было еще раз переселиться в Италию (в Неаполь), но тяжелая болезнь заставила его поехать в Берн лечиться у старого друга, профессора Адольфа Фохта. Он приехал туда 13 июня и немедленно принужден был лечь в частный госпиталь, где его навещали до последнего часу наряду с Фохтом также и его старые друзья – семья Рейхель. После долгого, длившегося несколько дней, сонного состояния он умер 1 июля 1876 г., в полдень.

Катков Михаил. Кто наши революционеры?

(Характеристика Бакунина)

Источник: [здесь](#).

Самое тяжелое впечатление на всех благомыслящих людей должна была произвести арестация петербургского мирового судьи Черкесова по улике в преступных политических сношениях и замыслах. В самом деле, трудно представить себе что-нибудь прискорбнее подобного случая. Мировой судья, человек, выбранный из многих тысяч людей для того, чтобы быть стражем закона, чести и безопасности своих граждан, блюстителем общественной нравственности, охранителем порядка, сам оказывается злоумышленником, сам подвергается обвинению в солидарности с врагами закона, порядка, своих сограждан, своего Отечества. Случай этот так возмутителен, что невольно пытаешься объяснить его какой-нибудь случайностью, каким-нибудь недоразумением. Но подтвердится или не подтвердится улика, павшая на мирового судью, — довольно уже и того, что человек в таком положении мог навлечь на себя подозрение, достаточно сильное для того, чтобы подвергнуть его полицейскому обыску и арестовать его во имя закона. Чем же руководилось общество при выборах в должность столь важную, столь почтенную, прежде всего требующую совершенной гражданской благонадежности? Мы не будем упрекать представителей петербургского городского общества за выбор человека неблагонадежного: будем надеяться, что заподозренный мировой судья совершенно оправдается и выйдет чист; но как мог выбор их остановиться на человеке, недостаточно известном и своей репутацией, недостаточно огражденном от всякого сомнения относительно своей политической благонадежности? Правда, опыт и давних, и недавних времен свидетельствует, что никакие административные должности, никакие правительственные положения не обеспечены от дурных элементов всякого рода. Мы видели злых заговорщиков на местах влиятельных и ответственных, и никто не поручится, чтобы и в сию минуту в рядах людей, призванных охранять спокойствие государства, не было тайных врагов его или пособников врагам. Что административные сферы не обеспечены от вторжения неблагонадежных элементов — об этом решительно засвидетельствовал всем памятный Высочайший рескрипт 13 мая 1866 года. Но из этого ничего не следует для извинения общества не только в предосудительных, но и в небрежных выборах. Будем

искать примеров для подражания, а не для извинения своих упущений. Бюрократические порядки имеют свои слабые стороны, а потому-то государство, не ограничиваясь ими, и призывает всех блюсти интересы, дорогие для каждого, и в этих видах дает обществу право выбирать должностных лиц, призываемых действовать в собственной среде его.

Везде выбор такого должностного лица, как мировой судья, из людей политически неблагонадежных был бы явлением прискорбным; в России это чудовищность. Говорим "чудовищность", потому что в России, в нынешней России, нет таких революционных партий, относительно которых общество могло бы держать себя сколько-нибудь нейтрально.

Кто наши революционеры?

Заграничные, особенно немецкие, газеты полны известий о революции, якобы кипящей теперь в недрах России. Вся Россия, говорят, покрыта сетью заговора, который имеет свои узлы во всех значительных городах ее, а главный центр — в Москве.

Вы изумляетесь этому, вы думаете, что над вами издеваются? А между тем в самом деле производятся политические аресты, ходят слухи о каких-то прокламациях, даже совершаются политические убийства.

Что же это такое? Кто же вожди этой великой русской революции и чего они хотят? Надобно наконец взглянуть прямо в глаза опасности, которой нас пугают.

Вожди этой великой революционной партии, осветившей всю Россию, имеют притон свой в Швейцарии. Женева, как прежде Лондон, — вот тот пункт на земном шаре, куда сходятся видимые нити этой организации. Счастливая Женева! Какая блистательная роль суждена этой скромной пуританской Женеве! Отсюда раздаются те мощные голоса, которые потрясают в основаниях величайшую Империю в мире, всегда казавшуюся незыблемым колоссом. Отсюда сыплются воззвания к топорам, отсюда отправляются к нам эмиссары, сюда бегут за вдохновением и приказами Худяковы и Нечаевы. Об издателях "Колокола" уже не говорят. Скипетр русской революционной партии перешел в руки к другой знаменитости, к тому Бакунину, который в 1849 году бунтовал на дрезденских улицах, попал за то в австрийские казематы, был потом выдан нашему правительству, сидел в крепости, писал оттуда умиленные и полные раскаяния письма, был помилован и выслан на жительство в Сибирь, где ему была дарована полная свобода, служил там по откупам, женился там на молоденькой польке из ссыльного семейства, сошелся со многими из соплеменников своей жены и, когда разыгралось польское дело, бежал из Сибири; в 1863 году вместе с несколькими сорванцами польской эмиграции предпринимал морскую экспедицию против России, но предпочел высадиться на шведском берегу. Вот он, этот вождь русской революционной партии, организатор заговора, покрывшего теперь своей сетью всю Россию. "Верно то, пишут в "Allgemeine Zeitung", — что Бакунин есть основатель и руководитель этого заговора, который имеет своей целью ни больше ни меньше как уничтожение всякого государственного начала, отвержение всякой личной собственности и воцарение коммунизма".

Фигура интересная. Тень ее ложится на всю колоссальную Россию!

Мы счастливы, что имеем некоторые сведения о характере и прошлой жизни этого великого человека и можем несколько ближе ознакомить с ним нашу публику, для которой он вдруг получил и столь неожиданное значение.

Случай свел нас с Бакуниным еще в первую пору молодости. Мы знали его недолго, но близко, и видели его в разных положениях жизни. В молодости это был человек не без некоторого блеска, способный озадачивать людей слабых и нервных, смущать не-зрелых и выталкивать их из колеи. Это была натура сухая и черствая, ум пустой и бесплодно возбужденный. Он хватался за многое, но ничем не овладевал, ни к чему не чувствовал призвания, ни в чем не принимал деятельного участия. Не было человека, даже наилучшим образом расположенного к нему и предубежденного в его пользу, на кого бы не производил он безотчетно неприятного и отталкивающего действия. Всякому было с ним и тягостно, и неловко. В нем не было ничего искреннего; все интересы, которыми он кипятился, были явлениями без сущности. Одна, впрочем, черта в его характере была несомненно реальная, одно свойство, которое в своих проявлениях было у него и правдиво, и искренно; это способность жить на чужой счет и не делать различия между карманом чужим и своим. Он всегда умел пристраиваться к денежным, податливым и конфузливим людям и с добродушием времен богатырских соглашался хозяйничать в их кошельках и пользоваться их избытками. Как не делал и он практического различия между чужими и своими деньгами, так не делал он различия в своих потребностях между действительными и мнимыми. Ему ничего не стоило вытянуть у человека последние деньги с тем, чтобы тотчас же рассорить их на вещи, ему самому совершенно не нужные. Денег не срывал он только с тех, у кого положительно нечего было взять. В этой характеристике Бакунина нет ни одной черты произвольной или основанной только на нашем личном впечатлении. Все знавшие его подтвердят в полной силе все главные черты его.

В последний раз мы видели его в Берлине, где под предлогом занятий философией он предавался абсолютной праздности, хотя своей развязностью в гегелевой терминологии озадачивал добродушного Вердера, который с мистическим одушевлением преподавал в Берлинском университете логику упомянутого философа. Бакунин запечатлелся в нашей памяти под весьма характеристическим образом. Однажды в честь одного знаменитого профессора студенты устроили факельную процессию. Множество молодых людей собрались перед домом юбиляра, и когда почтенный старец вышел на балкон своего дома благодарить за сделанную ему оvation, раздалось громогласное hoch, и всех пронзительнее зазвенел у самих ушей наших знакомый голос: то был Бакунин. Черты лица его исчезли: вместо лица был один огромный разинутый рот. Он кричал всех громче и суетился всех более, хотя предмет торжества был ему совершенно чужд и профессора он не знал, на лекциях его не бывал...

После того прошло около тридцати лет, и Бакунину будет теперь под шестьдесят. С тех пор мы не встречались с ним. До нас доходили лишь общие сведения и слухи о его похождениях и заключениях. Но вот в 1859 году, когда он уже проживал в Сибири и служил по откупам, мы неожиданно получили от него письмо, в котором он припоминал о нашем давнем знакомстве, которое показалось нам искренним. Еще прежде рассказывали нам, что он, после тяжких уроков жизни, во глубине строгого заключения, глубоко изменился, что ум его отрезвился, что душа его проснулась и что он стал простым и добрым человеком. Мы охотно

поверили тону его письма, в котором между прочим выражал он сочувствие нашему журналу и давал нам разуместь, что он был бы не прочь воспользоваться возвращенными ему гражданскими правами для того, чтобы действовать как-нибудь на пользу общую. Мы предложили ему попробовать писать в наш журнал из его далекого захолустья, которое для ума живого и любознательного должно представлять так много новых и интересных сторон. В течение 1861–1862 годов получили мы от него еще два-три письма через ссыльных из поляков, которые, быв помилованы, возвращались на родину. Оказывалось, что он жил в Сибири не только без нужды, но в избытке, ничего не делал и читал французские романы. Но на серьезный труд, хоты бы и малый, его не хватало. Русскую литературу он не обогатил своими произведениями. Зато он был охотник писать письма к знакомым. В письмах его к нам проглянул прежний Бакунин. Хотя тон их был все-таки весьма умеренный и благонравный, но от них веяло пустым и лживым фантазерством. Местами он заговаривал тоном вдохновения, пророчествовал о будущих судьбах славянского мира и взывал к нашим русским симпатиям в пользу польской нации. Письма эти не требовали ответа, и мы не находили нужным продолжать с ним переписку. Последнее послание получили мы от него уже в эпоху варшавских демонстраций. Прежний Бакунин явился перед нами во всей полноте своего ничем не поврежденного существа. Он потребовал от нашей гражданской доблести присылки ему денег, по малой мере 6000 рублей. Дабы облегчить для нас это пожертвование, он позволял нам открыть в его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которых, по его расчету, долженствовало быть немало. Зачем же вдруг и так экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вот зачем: однажды осенило его сознание, что он получал даром жалованье от откупщика, у которого числился на службе, ничего не делая, и он вдруг сообразил, что откупщик выдавал ему ежегодно в продолжение трех лет по 2000 рублей единственно из угождения генерал-губернатору, которому Бакунин приходился сродни. Сознание это не давало-де ему покоя, и вот он решился во что бы то ни стало возратить откупщику всю в продолжение трех лет перебранную от него сумму. Благородный рыцарь, он хотел подаванием уплатить подавание и из чужих карманов восстановить свою репутацию во мнении откупщика. Мы не могли быть ему полезны, и письмо его осталось втуне. Но прошло затем несколько месяцев, и мы узнали, что Бакунин все-таки добыл сумму, которую требовалось возратить откупщику, но откупщику ее не возвратил, а бежал с полученными деньгами из Сибири. Откупщик был только предлогом, чтобы выманить деньги...

Вот главнокомандующий нашей революции. Да откуда же, наконец, берет он деньги, чтобы делать революцию?

Пред нами лежит теперь прокламация Бакунина, выпущенная прошлой весной во время студенческих беспорядков в Петербурге. Она озаглавлена так: "Несколько слов к молодым братьям в России". Никогда революционный жаргон не доходил до такого безобразия, никогда поругание здравого смысла не простиралось до такого цинизма, никогда бесчестный расчет не выказывал себя с такой наглостью, как в этом гнусном издании. Оно рассчитано на две стороны. Прямое действие его направлено на самую испорченную и на самую незрелую часть нашей нигилистствующей молодежи. С другой стороны, оно рассчитано на то, чтобы произвести впечатление в высших слоях нашего общества и администрации и поддержать там наветы тех партий, которые действительно составляют заговор под прикрытием якобы консервативных начал. Нельзя и на минуту допустить, чтобы человек,

писавший это воззвание, был искренен и сам верил дикому сумбуру своих слов...

Бакунин поздравляет наше бедное молодое поколение с духом "противугосударственным" и "всеразрушительным". Какой лестный и возбудительный комплимент для мальчишек!

"Всеразрушительный дух" — это священный недуг, и если бы "молодые братья" выздоровели от этого недуга, то они "стали бы скотами". Этого мало: есть название хуже, чем "скоты".

"Вы, — говорит он, — заслужили бы право называться всероссийскими патриотами".

Бакунин, как видите, не жалуется всероссийских патриотов.

Итак, наши всеразрушительные революционеры, которые высылают Каракозовых, солидарны в этом чувстве вражды к русскому патриотизму с нашими так называемыми консерваторами. И та, и другая партия на этой почве союзны и могут, действовать заодно против русских патриотов как в Западном крае, так и в других местах. "Где, — восклицает Бакунин, — источник того дикоразрушительного и холодно-страстного воодушевления, от которого цепенеет ум и останавливается кровь в жилах ваших противников? Холопская литература стала в тупик перед вами; она тут просто ничего не понимает".

Холопская литература — это русская патриотическая печать.

В чем же состоит учение дико-разрушительной революции с холодно-страстным воодушевлением, которая якобы покрыла своей сетью всю ненавистную ей Россию и имеет своим средоточием сугубо ненавистную ей Москву? Уничтожение всякого государства — вот чего хочет наша революция. "Всякое государство, — проповедует Бакунин, — как бы либеральны и демократичны ни были формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народа". Не нужно ни преобразований, ни даже революций, имеющих какой-нибудь смысл. Требуется, напротив, только "дико-разрушительное воодушевление". Долой всякое государство, как монархию всяких видов, так и республику, хотя бы социально-демократическую!

Спрашивается, кто, кроме помешанного, мог бы не шутя проповедовать такой вздор? Кто допустит, чтобы эта нелепость могла стать началом серьезного политического заговора, если только позади нет другого заговора, действительно серьезного, которому нужно прибрать к рукам и употребить в дело самую незрелую или самую испорченную часть нашей молодежи?.. Да и откуда это ничтожество могло бы взять денег хотя бы на печатание прокламаций, не говоря уже о командировках Худяковых и Нечаевых?

"В недоумении, — продолжает женеvский вoждь русской революции, обращаясь к своим молодым друзьям, — господа московские и петербургские журналисты решили, что ваше настоящее движение — дело польских подземных интриг. Нельзя было выдумать ничего подлее и глупее. Подлее, потому что вызывать ярость свирепого палача против измученной жертвы — такое позорное преступление, которое именно только в нашей холопски государственной России возможно; глупее, потому что нужно дойти до крайней степени тупоумия, чтобы не заметить с первого раза пропасти, лежащей между программой огромного большинства польских патриотов и программой нашей молодежи, представительницы и поборницы русского народного дела".

Итак, между нашей революционной партией и польским делом нет ничего общего. Связь между ними выдумала русская "холопская" патриотическая печать. Это клятвенно удостоверяют так называемые наши консерваторы. Рассказывали, что какой-то важный господин в Петербурге даже перекрестился, когда узнал, что преступник 4 апреля не поляк, а русский. В иностранных газетах, равно как и в некоторых петербургских салонах, высказывается весьма положительное убеждение, что все антирусские в России партии суть единственные консервативные элементы, а русский народ исполнен дико-разрушительного революционного духа. Это скажет каждый фон из Лифляндии, любой пан с Литвы или с Волыни: теперь это вне всякого сомнения, в этом удостоверяет сам вождь русской революционной партии. Все мерзости, чинимые у нас во имя революции, все эти воззвания к топорам, поджоги, покушения, убийства — все это есть дело русское, самобытное, самородное.

Мы согласны, что никакая политическая партия, никакой серьезный заговор не может иметь своей программой дикий вздор бакунинских прокламаций. Нет сомнения, никакая действительно опасная для государства партия не могла бы узнать себя в этой бессмыслице...

Кому нужно вносить эти квазидоктрины в беззащитные головы ребятишек обоего пола, связывать их призраком какого-то таинственного общего дела и поджигать их на преступные покушения, которые навлекают на них всеобщие проклятия их народа? Друзья народа не могут этого делать; это могут делать только его враги, кто бы они ни были.

Между доктринами о "дико-разрушительном и холодно-страстном воодушевлении", с которыми Бакунин обращается к своим "молодым братьям", и польским делом действительно нет ничего общего. Польские патриоты не мальчишки. Они не могут считать чем-либо серьезным прокламации Бакунина и Нечаева. Они смеялись над ораньем Герцена, распространяя его листки в нашей молодежи. Их не может пленять перспектива всеобщего разрушения, в котором должны исчезнуть всякое государственное начало, всякий порядок, всякий закон, всякая власть и, стало быть, всякая человеческая свобода; точно так же и балтийские патриоты не могут находить ничего пленительного в Стеньке Разине, которого Бакунин выставляет в образец для своей молодой братии.

Но если у России есть враги, то им ничего не может быть приятнее, как порча русской молодежи и поругание русского патриотизма. Врагам России естественно позаботиться, чтобы дать этому позору вид революционной организации. Всякая мерзость для врага есть дело пригодное, и если бы не было Бакунина, Нечаева и tutti quanti, то враги России должны были бы создать их.

Враги России и создали их. Наши так называемые революционеры — это орудие в руках наших врагов.

Успокоив нас, что между польскими патриотами и русской революцией нет ничего общего, Бакунин не мог оставить своих молодых друзей без ближайших наставлений. Иной глупый нигилист, пожалуй, и в самом деле вообразит, что он есть нечто самостоятельное и самородное, между тем как все его призвание в том только и состоит, чтобы помогать

врагам своего народа, кто бы они ни были. Нигилист должен отрицать собственность, но он должен в то же время дружить хотя бы с феодалами, лишь бы они были враждебны русскому государству.

В мире нет ничего абсолютного. Оказывается, что, несмотря на пропасть, которая отделяет русскую революцию от польской партии, между ними все-таки есть маленькая связь.

Связь оказывается именно с самой консервативной частью польской партии — с дворянской.

Послушаем, что говорит главнокомандующий в своем воззвании вслед за вышеприведенными строками.

"Между большинством польских деятелей, — говорит Бакунин, — и именно той польской шляхетско-католической партией, которой журналистика наша приписывает наибольшее влияние на русскую молодежь, и между нами есть только одно общее чувство и одна общая цель: это ненависть ко Всероссийскому государству и твердая воля способствовать всеми возможными средствами наискорейшему разрушению его. Вот в чем мы сходимся".

Только в том, не больше.

Итак, маленькая связь есть. Польская шляхетская партия сходится с нашим нигилизмом в совершенной безделице... "Шаг далее, — продолжает Бакунин, — и между нами открывается пропасть: мы хотим окончательного разрушения всякой государственности в России и вне России, они мечтают о восстановлении Польского государства".

Отношение обозначается довольно ясно. На долю нашим революционерам достается честь служить орудиями ненависти против своего Отечества и в придачу дикий сумбур понятий, который не заслуживает назваться даже безумием и может иметь значение положительно только для недоростков или для круглых дураков.

Но послушаем далее вождя русской революционной партии.

"Польские государственники, — продолжает Бакунин, — мечтают не о добром, потому что всякое государство, как бы либеральны и демократичны не были его формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народную". Они мечтают о невозможном, потому что впереди государства будут только рушиться, а не строиться. Они народо-ненавистной мечтой обрекают свою родину на новую гибель, и если бы им удалось, хоть с помощью иностранцев, разумеется, не с народной помощью, восстановить Польское государство, необходимо основанное на шляхетстве, или, что все равно, на личной поземельной и наследственной собственности, они, без сомнения, сделались бы столько же нашими врагами, сколько и притеснителями своего собственного народа. Если это случится, мы станем войной против них во имя общенародной свободы и жизни. А до тех пор мы им друзья и помощники, потому что их дело — дело разрушения Всероссийского государства, так же и наше дело".

Кажется, дело ясно, если не для дураков, то для людей сколько-нибудь мыслящих.

Прокламация Бакунина приводит нам на память найденную после подавления мятежа в Варшаве инструкцию Мерославского для польских патриотов: им указывалось на русских нигилистов, герценистов и полуполяков как на лучших пособников польскому делу. "Когда цель будет достигнута, — учил Мерославский, — и Польша будет восстановлена, тогда мы этих пособников наших, если они в то время окажутся, перевешаем". Но надобно полагать, что они тогда не окажутся — уж по тому одному, что вожаки их останутся без жалованья...

Итак, вот кто наши революционеры!

Спрашивается, может ли русское общество оставаться нейтральным относительно этих революционеров? Это не то что в других странах династические партии, не то что так называемые крайние партии. Нет, это отъявленные враги своего отечества, это друзья и пособники его врагов, это их создания и орудия...

Рябов Петр. Михаил

Бакунин

Источник: [здесь](#).

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), несомненно, является ключевой фигурой в истории анархической мысли и анархического движения. Именно Бакунин, будучи одаренным философом, заложил основы анархизма как цельного мировоззрения (а не только как программы действий или социологического учения). Бакунин и инициировал появление мощного революционного движения под анархическими лозунгами почти по всей Европе. Наконец, Бакунин, как никто до и после него, сумел выразить основной мотив анархизма – пафос бунта, бескомпромиссной борьбы за освобождение личности и общества.

Александр Блок писал: «Мы читаем Бакунина и слушаем свист огня... Мы уже, наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня... Займем огня у Бакунина». Главное душевное качество Мишеля (так Бакунина называли и подростком – в кругу семьи – и стариком – в кругу швейцарских рабочих) – это, по собственному признанию выдающегося анархиста, «любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более, когда оно падало на других, чем на меня самого... Я считаю священным долгом восставать против всякого притеснения, откуда бы оно ни приходило и на кого бы ни падало. Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни».

Жизнь Бакунина похожа на легенду. В числе его друзей были Н.В.Станкевич, И.С.Тургенев, А.И.Герцен, В.Г.Белинский, П.Я.Чаадаев, Г.Гервег, Р.Вагнер, Ж.Санд, А.Мицкевич, П.Ж.Прудон, А.Руге, В.Вейтлинг. Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида и был прототипом Рудина у Тургенева.

В юности – увлечение философией, дискуссии в московских салонах и в родном доме в селе Прямухине. Затем – переход к практической революционной деятельности: участие в революции 1848 г. в Париже (в феврале), призывы к общеславянскому восстанию, баррикады в Праге и Дрездене, арест, смертные приговоры в Саксонии и Австрии, двенадцать лет крепостей и ссылки в Саксонии, Австрии и России, фантастический побег из Сибири, работа в «Колоколе» Герцена, борьба в Интернационале против авторитаризма Маркса...

Революционная деятельность Бакунина не знала границ и была поистине грандиозна по своим масштабам. Он помогал полякам во время восстания 1863–1864 гг., выступал в Швеции, направил эмиссара-анархиста Дж.Фанелли в Испанию организовать секцию Интернационала, поднимал соратников на восстание в Лионе, вел успешную полемику

против Мадзини в Италии (где стал создателем анархического движения и инициатором восстания в Болонье), организовывал Юрскую (анархическую) федерацию Интернационала в Швейцарии, сражался в Париже, Праге, Дрездене, вел революционную агитацию среди болгар и сербов, финнов и чехов, сотрудничал с «Землей и Волей» 1860-х гг., участвовал в нечаевской пропаганде, был вдохновителем кружков на Юге России. Перечисление созданных им организаций, написанных программ и уставов заняло бы несколько страниц.

Конечно, Бакунин не был «рыцарем без страха и упрека», непогрешимым во всех своих поступках. Он допускал немало ошибок, которые могут быть поставлены ему в вину. Большинство из них, впрочем, связаны с его способностью чрезмерно увлекаться и увлекать других открывающимися перспективами, идеализируя эти перспективы и, по выражению Герцена, «путая второй месяц беременности с девятым». Бакунин нередко принимал желаемое за действительное, преувеличивал степень готовности масс к революции, не брезговал блефом и мистификациями, явно увлекался конспиративно-заговорщической стороной революционной работы. Бакунин, безусловно, несет моральную ответственность за националистические (антинемецкие и антиеврейские) выпады, встречающиеся в его работах, и за поддержку С.Г.Нечаева.

Много ярких и страстных страниц посвятил Бакунин всесторонней критике государства и его разрушительного влияния на людей – как управляемых, так и управляющих. «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности, – писал русский анархист. – Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных». Бакунин считал, что произвол, чинимый над человеком и обществом, государство напыщенно именуется «законом».

Государство, по Бакунину, является не чем иным, как «официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей ... чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка – народа». Поскольку всякая власть стремится себя увековечить, «ребенок» никогда не достигнет совершеннолетия, пока над ним господствует упомянутая опека. «Итак, там, где начинается государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему всё остальное. Но остальное – это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это всё... Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен».

Осуждая патриотизм как государственно-националистическую идеологию рабства и ненависти, Бакунин подвергает подробной критике и представительную демократию, опирающуюся, по его мнению, на манипулирование управляемыми массами. Проблемы государства и социальной революции Бакунин анализирует в связи с национальными особенностями различных европейских народов, с их историей и культурой. Если бисмарковская Германия представляется Бакунину воплощением духа государственничества, централизма, милитаризма и бюрократии, то романские и

славянские народы мыслитель рассматривает как среду, стихийно порождающую анархистов. Надо признать, что именно в славянских странах и в Южной Европе анархическое движение получило наибольший размах в 1860–1870-е гг. и позднее.

В своих произведениях Бакунин последовательно критикует государственный социализм (прежде всего марксизм). Не веря во временный характер предлагавшейся Марксом «диктатуры пролетариата» (поскольку всякая диктатура стремится себя увековечить), отрицая марксистскую идею правления «научных социалистов» и возможность введения социализма через тотальное огосударствление общественной жизни и производства, Бакунин доказывал: поскольку эксплуатация и власть неразрывно связаны друг с другом, уничтожение первой при сохранении второй неизбежно приведет к появлению нового класса – «красной бюрократии», идущей на смену старым привилегированным классам. Бакунин призывал к социальной революции, разрушающей классово-государственные институты общества и заменяющей их безгосударственно-социалистической федерацией общин, коммун, трудовых коллективов. Главной силой, способной совершить революцию, Бакунин считал в Европе пролетариат («чернорабочий люд»), а в России – крестьянство. Таким образом, Бакунин радикализировал прудоновский анархизм, развил его и популяризировал в рабочем движении. Итогом деятельности Бакунина явилось широкое распространение анархизма – прежде всего в Испании, Италии, Швейцарии, России, Бельгии, Голландии, во Франции. Наиболее заметным проявлением этого процесса стали возникновение анархистского крыла в Международном товариществе рабочих (Первом Интернационале) и Парижская Коммуна.

Промарксистский Генеральный совет Интернационала вел борьбу с Бакуниным довольно постыдными методами; в ход было пущено всё: закулисные аппаратные интриги; организация фиктивных секций, создавших мнимое марксистское большинство на Лондонской конференции 1871 г. и на Гаагском конгрессе 1872 г.; бездоказательные обвинения, клевета. Однако достигнутая подобными средствами победа Маркса оказалась Пирровой – после «исключения» Бакунина из Интернационала «весь Интернационал восстал против недостойной комедии Гаагского съезда, так грубо подтасованного Главным советом». Почти все секции Интернационала: бельгийские, французские, английские, испанские, итальянские, голландские, швейцарские и американские – отвергли решения, принятые в Гааге, и отказались подчиниться Генеральному совету, поддержавшему Маркса. Большинство этих секций, соединившись, образовали новый, анархический Интернационал, просуществовавший до 1879 г. Попытка Маркса превратить Международное товарищество рабочих в централизованную партию, исповедующую одну – «научно-социалистическую» – доктрину, полностью провалилась.

Поддержавшие Бакунина секции Интернационала, объединявшие десятки тысяч рабочих по всей Европе, дали толчок мощному развитию анархического движения в 1870-е гг. В некоторых странах, где был высок уровень социальной напряженности и отсутствовали реальные гражданские свободы (в Испании, в Италии), это движение вылилось в ряд восстаний; в других (в Швейцарии, в Бельгии) сложились открыто действующие рабочие союзы анархической направленности. Роль идейного центра этого движения играла Юрская федерация (в Швейцарии).

Наиболее грандиозным выступлением народных масс, в котором анархисты сыграли видную роль, конечно, стала Парижская коммуна (март-май 1871 г.).

Анархисты (прудонисты) составляли значительную часть Совета коммуны. Важнейшим мероприятием Коммуны в социально-экономической сфере, осуществленным по инициативе прудонистов, был принятый 16 апреля 1871 г. декрет о передаче бездействующих предприятий, брошенных бежавшими из Парижа предпринимателями, в руки рабочих производственных ассоциаций. Этой и другими подобными мерами прудонисты стремились подготовить создание мощного сектора коллективизированных самоуправляющихся предприятий, альтернативных и частнокапиталистическим, и государственным. Декларация «К французскому народу», принятая Парижской коммуной 19 апреля, провозглашала вполне анархические идеи: федерализм, децентрализацию, самоуправление и автономию коммун – в качестве принципов устройства будущей социалистической Франции. Сама Коммуна, по признанию Карла Маркса, уже не была «вполне государством»: ликвидация чиновничьей иерархии, регулярной армии, самоуправление снизу доверху, опирающееся на принцип делегирования, – всё это куда больше походило на прудоновские и бакунинские модели общества, нежели на марксистскую «диктатуру пролетариата». Известно, что, учтя опыт Коммуны, Маркс, по образному выражению Ф.Меринга, снял перед ней шляпу и в работе «Гражданская война во Франции» несколько пересмотрел свою доктрину в прудоновском духе.

Однако полуанархический социально-революционный эксперимент, как известно, длился недолго – 72 дня. Памятником «штурмующим небо» коммунарам осталась песня – «Интернационал», созданная участником тогдашних событий, анархистом Эженом Потье.

Аврич Пол. Бакунин и Нечаев

От переводчика

Не являясь переводчиком-профессионалом, я приношу читателю извинения за корявый стиль, возможные неточности и иные погрешности перевода. В тексте предлагаемого вниманию читателя превосходного очерка Пола Аврича приводится немало цитат, часть которых (тексты Заичневского, отрывки из нечаевского «Катехизиса революционера» и бакунинского письма к Нечаеву (июнь 1870)) сверены мною с русским оригиналом или предыдущими русскими переводами этих текстов, а другая часть непосредственно переведена мною с английского.

По существу приводимых автором фактов и высказанных им оценок чрезвычайно сложно добавить нечто принципиально новое, ибо данная работа сочетает в себе достоинства добросовестного и лаконичного научного исследования с популярным изложением, доступным самому широкому кругу читателей. Публикация этого исследования весьма полезна, так как и по сей день в большинстве русскоязычной литературы, та или иначе касающейся темы «Бакунин и Нечаев» господствует несколько старинных заблуждений-стереотипов, восходящих еще к временам, когда Маркс и Энгельс организовали травлю Бакунина, сбор компромата на него и распространение о нем всяческих сплетен, и изгнали его из Интернационала, преднамеренно или по незнанию отождествляя его позицию с позицией Нечаева. Так, например, не только лидер французских коммунистов Жак Дюкло в изданной на русском языке (М., 1975) книге с выразительным названием «Бакунин и Маркс: тень и свет»(!), но и советский историк В. А. Малинин в «Истории русского утопического социализма» (М., 1991) продолжают распространять давно опровергнутую исторической наукой версию о бакунинском авторстве «Катехизиса революционера», а в замечательной в целом книге Альбера Камю «Бунтующий человек», недавно изданной в России (М., 1990), разница между позициями Бакунина и Нечаева практически незаметна: глубокий и честный мыслитель, Камю в этом вопросе, однако, почти что солидаризуется с «Бесами» Достоевского — талантливой, но явно полемически-тенденциозной книгой. Хуже всего, что эти ложные стереотипы господствуют до сего дня не только в специальной научной литературе, но и в публицистике, являясь общим местом в массовом сознании. Поэтому честное и объективное отношение к вопросу о сложных взаимоотношениях между Бакуниным и Нечаевым, без полемического обличительства и идеализации как того, так и другого из этих выдающихся революционеров, предпринятое Полом Авричем в данной работе — очень полезно и поучительно. Из всей русскоязычной литературы, пожалуй, только в работах Н. М. Пирумовой проблема «Бакунин и Нечаев» получила должное

освещение (если, конечно, не считать изданные еще в 1920-е гг. и почти забытые сегодня работы русских анархистов — Алексея Борового и других, например, книгу «Миф о Бакунине» (М., 1925), где в числе прочих подробно рассматривалась и эта проблема).

Единственная существенная деталь, о которой не упомянуто в данной работе Пола Аврича, связанная с рождением лжеверсии о Бакунине, как авторе «Катехизиса революционера», такова. Во время своего пребывания в Швейцарии, Нечаев попросил Бакунина переписать от руки «Катехизис революционера», а потом, с присущим ему цинизмом, выкрал эту копию «Катехизиса», написанную бакунинским почерком, и показывал ее разным людям, приписывая Бакунину авторство этого выдающегося в своем роде документа и освящая его авторитетом великого бунтаря. (Подробнее о этом см. в различных работах Н. М. Пирумовой.)

Петр Рябов

От автора

«Нечаевский» период биографии Михаила Бакунина (1869–1872) был относительно коротким. Однако, (не говоря уже о потрясающей психологической драме), он представляет собой важную главу в истории русского революционного движения, ставящую фундаментальные вопросы революционной тактики и революционной морали, с которыми радикалы продолжают сталкиваться по сей день. Взаимоотношения Бакунина с Нечаевым были также дополнительным фактором, способствовавшим его знаменитому конфликту с Марксом и его исключению из Первого Интернационала. И именно они подтолкнули Бакунина к пересмотру его революционных доктрин и к подтверждению его либертарных принципов против того, что он называл «иезуитством» и «макиавеллизмом» своего молодого последователя.

Мы чрезвычайно обязаны Артуру Ленингу и Мишелю Конфино за предоставление необходимых материалов для новой оценки «Нечаевского дела», которое является предметом настоящего исследования.

Пол Аврич. 1974

Нечаев и русское якобинство

Сергей Геннадьевич Нечаев родился 20 сентября 1847 г. в Иваново, растущем текстильном городе к северо-востоку от Москвы, который начинал получать репутацию «русского Манчестера». Его отец был художником по вывескам, мать — швеей, и оба они были крепостными по происхождению, так что Нечаев был одним из первых выдающихся русских радикалов с полностью плебейским происхождением. «Он не был продуктом нашего мира,» — писала Вера Засулич в своих воспоминаниях, но был «чужим среди нас». Однако, как выходец из народа, он производил сильное впечатление на своих товарищей-революционеров, «кающихся дворян», которые стремились отдать свой долг простому

народу. Знакомые называли Нечаева «настоящим революционером, простолюдином, который сохранял в себе всю ненависть крепостных против господ», ненависть, которая была направлена даже против его собственных товарищей, с их аристократическим происхождением и образованием.

В апреле 1866 г., в возрасте 18 лет, Нечаев переехал из Иваново, где он учился в приходской школе, в Санкт-Петербург. Осенью 1868 г. он был зачислен в университет вольнослушателем, и вошел в группу молодых революционеров, которая включала как таких будущих анархистов, как З. К. Ралли, В. Н. Черкезов и Ф. В. Волховский, так и таких около-анархистов или либертарных социалистов, как Марк Натансон, Герман Лопатин и Л. В. Гольденберг. Хотя Нечаев еще не знал французского, он посещал дискуссии, посвященные истории «Заговора во имя равенства», написанной Буонарроти — книге, которая помогла сформироваться целому поколению русских бунтарей, и в замыслах и мечтах Нечаева скоро преобладали тайные общества и конспиративная жизнь. Он формировался под неотразимым обаянием якобинства и бланкизма, и потом, позднее, когда он посетил Ралли в Швейцарии, он имел при себе книги Руссо и Робеспьера, и его авторитарные тенденции, его претензия на знание «общей воли» и стремление «принуждением заставить людей быть свободными», были уже сильно развиты.

Нечаева также привлекала якобинская традиция в русском революционном движении, традиция, берущая начало от вождя декабристов Пестеля в 1820-х гг. и Николая Спешнева в 1840-х гг., который придавал особое значение конспиративной тактике и революционной диктатуре, основанной, как он выражался, на «иезуитской» модели, по поводу которой руководитель кружка, фурьерист Михаил Петрашевский заявил: «Я готов быть первым среди тех, кто поднимет руку против диктатора». В 1862 г., за четыре года до прибытия Нечаева в Санкт-Петербург, Петр Заичневский выпустил подпольную прокламацию под названием «Молодая Россия». Петр Заичневский был крупнейшим русским якобинцем, который находился под влиянием Робеспьера, Мадзини, Бабефа и итальянских карбонариев (название его прокламации происходило от «Молодой Италии») с их методами революционной конспирации. Его конечная цель, однако, была вдохновлена децентрализованным социализмом Прудона, и когда полицейские пришли его арестовывать, они обнаружили среди его бумаг незавершенный русский перевод книги Прудона «Что такое собственность?»

В прокламации «Молодая Россия» Заичневский призывал к «кровавой и беспощадной» революции по типу движений Разина и Пугачева, и выступал за безжалостное уничтожение царской фамилии и ее сторонников: «Мы издадим один крик: „В топоры!“ — и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами.» На Герцена произвели отталкивающее впечатление безжалостность и грубый аморализм прокламации, и даже Бакунин осудил ее автора за его «безумное и доктринерское презрение к народу», однако «Молодая Россия» имела сильное влияние среди молодежи нечаевского поколения, среди «шестидесятников», которых во многом вдохновляла ее вызывающая и бескомпромиссная риторика.

Другим вдохновляющим якобинцев источником был характер Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?», который вышел в 1864 г. Рахметов был литературным прототипом новых революционеров, человеком, одержимым идеей и живущим чисто аскетической жизнью, подчинившим себя жестким физическим ограничениям, чтобы подготовить себя для роли революционера. Закаляя себя, он ел сырое мясо и спал на кровати с гвоздями. Он отказался от личной жизни, не имел ни жены, ни детей, ни семейных пут, которые могли бы отвлечь его от его цели. Он выработал намеренно резкую манеру общения и поведения, чтобы отрезать себя от обычного общества и избежать бесполезной траты времени в пустых словах и формальностях. Он использовал свои денежные средства не на личные нужды, но на помощь неимущим студентам и на революционное дело.

Фигура Рахметова завладела воображением молодых революционеров на несколько десятилетий (в 1892 г. Александр Беркман использовал «Рахметова» как свой псевдоним, когда он собирался убить Генри Клея Фрика).[1] Что же касается времени середины 1860-х годов, Рахметов служил образцом для кружка Ишутина, чьи члены (включая будущего друга Кропоткина, Варлаама Черкезова, и Дмитрия Каракозова, покушение которого на царя в 1866 г. приветствовалось Нечаевым как «начало нашего священного дела»), отвергали все личные радости и стремились к строго аскетической жизни, спали на полу, отдавали все свои деньги на дело, и посвятили всю свою энергию освобождению народа. Они также проявляли сильные анти-интеллектуальные предубеждения, презирая университет за то, что в нем скорее готовятся «генералы от культуры», чем помощники рабочих и крестьян. Некоторые даже оставили свои учебные занятия и организовывали кооперативы. Как заметил один из членов кружка: «Массы необразованны, поэтому мы не имеем права на образование. Нет необходимости много учиться, чтобы объяснить людям, что они обмануты и ограблены.» Подобно Заичневскому, они отвергали реформы и полумеры и презирали старшее поколение радикалов — «людей сороковых годов», например, Герцена и его круг, как важных господ, которые, при всей своей эрудиции и революционных фразах, были бессильны порвать со старым порядком или со своими собственными аристократическими корнями. Они выступали, опять-таки подобно Заичневскому, за истребление царской фамилии, как за действие, которое послужит искрой для социального переворота, за Пугачевский бунт, который обратит существующий строй в прах и пыль.

Для выполнения этой задачи была организована маленькая группа под названием «Ад» — внутри ишутинского кружка. Эта небольшая группа террористов была окружена секретностью и вела анонимное и подпольное существование. Каждый из членов «Ада» рассматривал себя как обреченного человека, отрезанного от обычного общества и полностью посвятившего себя революции. Он должен был отказаться от друзей, от семьи, от личной жизни, даже от своего имени в полном самоотрицании, самоотдаче во имя дела. По словам Ишутина (которые позднее повторял Нечаев), он должен «жить с одной единственной и исключительной целью» — освобождение угнетенных классов. Для достижения этого приемлемы все средства, включая воровство, шантаж, даже убийство, не говоря уже о мошенничестве, лжи, обвинении невинных людей или о внедрении своих людей в ряды противников тайных обществ с целью установления контроля над ними — все должно применяться при условии строгой революционной дисциплины, нарушение которой влечет наказание смертью. Один член кружка даже совершил отравление собственного отца и полученное от него наследство отдал на революционное дело; и, кроме того,

планировалось совершать грабежи, позднее названные «экспроприациями» коммерческих и правительственных учреждений. Главной целью, однако, было убийство царя и его чиновников. Совершив этот акт, террорист должен был покончить жизнь самоубийством, молниеносно сжав пилюлю из ртути между зубами — Беркман попытался сделать это же после своего нападения на Фрика — для того, чтобы полиция не смогла установить его личность. Ишутин, который был воодушевлен покушением Орсини на Наполеона Третьего, говорил о том, что «Ад» был русской секцией некоей общеевропейской революционной организации, которая ставила своей целью повсеместное уничтожение монархов; таким образом, он являлся пионером той техники мистификаций, которую Нечаев развил до высокого искусства.

Еще одним звеном в цепи русского якобинства, цепи, которая протянулась от Пестеля до Ленина, был Петр Ткачев, который утверждал, что успешная революция может быть осуществлена только тесно сплоченной элитой, которая «должна обладать моральной и интеллектуальной властью над большинством», и чья организация требует «централизации, строгой дисциплины, быстроты, решительности и координации действий». Заичневский, бесспорно, стал одним из наиболее убежденных последователей Ткачева, оставшимся верным своим якобинским принципам до самого конца своей жизни; и в 1869 г. Нечаев совместно с Ткачевым в написанной ими «Программе революционных действий» призвал к организации «революционных ячеек», которые должны действовать, подобно ишутинскому кружку, в соответствии с тем принципом, что революция есть высшая справедливость, оправдывающая применение любых средств. «Те, кто вступит в организацию, — писали они, — должны оставить свое имущество, профессию и семейные связи, ибо семья и работа может отвлечь членов организации от их деятельности». Вновь, подобно Ишутину, они говорили о союзе европейских революционных организаций, с центром на Западе, и, возможно, эта мистификация была одной из причин того, что Нечаев приехал в Швейцарию в 1869 г., когда он впервые встретился с Михаилом Бакуниным.

«Катехизис революционера»

Еще до отъезда из России Нечаев начал свой путь мистификации и обмана.

В марте 1869 г. Вера Засулич получила анонимное письмо со следующими словами: «Когда я гулял сегодня на Васильевском острове, я увидел экипаж, перевозящий заключенных. Из окошка высунулась рука и бросила записку. Через некоторое время я услышал следующие слова: „Если вы студент, то доставьте это по указанному адресу“. Я студент и считаю своим долгом исполнить эту просьбу. Уничтожьте мое письмо.» Приложенная записка, написанная нечаевской рукой, информировала его друзей, что он арестован и будет содержаться в Петропавловской крепости. Вскоре после этого распространился слух, что он бежал из крепости — беспримерный подвиг — и находится по пути на Запад. На деле же, не было не только побега, но не было и ареста. Все это была выдумка, первая из целой серии выдумок Нечаева, для того, чтобы представить себя героем, окружить себя атмосферой тайны и попробовать себя в роли «образцового революционера» из написанной им и Ткачевым «Программы революционных действий».

Нечаев перешел русскую границу 4 марта 1869 г. Достигнув Женевы, он немедленно явился к Бакунину, назвавшись представителем мощной революционной организации, действующей внутри царской империи. Бакунин сразу же был увлечен этим «юным дикарем», этим «тигренок», как он называл Нечаева. «Здесь со мной находится, — писал он Джемсу Гильому 13 апреля 1869 г., — один из тех молодых фанатиков, которые не знают сомнений, которые не боятся ничего... верующие без Бога, герои без риторики». Он видел в Нечаеве идеал революционного конспиратора, предвестника нового поколения, которое энергично, решительно и непреклонно низвергнет царский порядок. Пребывание Нечаева в Швейцарии, как заметил Э.Х.Карр, привело к тому, что стареющий Бакунин воспрянул духом, у него возродились революционные надежды и на него повеяло дыханием родной земли, которую ему не суждено уже было увидеть. Для Бакунина, как выразился профессор Конфино, «Нечаев был молодой Россией, революционной Россией, его Россией».

В течение весны и лета 1869 г. Бакунин и Нечаев выпустили серию памфлетов и манифестов, призывающих к социальному перевороту в России. В «Нескольких словах к нашим молодым братьям в России» Бакунин призывал революционную молодежь «идти в народ» проповедовать бунт, воодушевлять народ бороться не на жизнь, а на смерть против государства и привилегированных классов, следуя примеру Стеньки Разина два века назад. «Образованная молодежь должна быть не благодетелем народа, не его диктатором и поводырем, но лишь рычагом на пути народа к его свободе, помогающим народу объединить свою энергию и силы,» — призывал Бакунин. «Остерегайтесь того обучения, посредством которого известные лица пытаются сковать вас и лишит вас вашей силы. Образование подобного рода должно умереть вместе с миром, проявлением которого оно является.» набросок похожей прокламации «К студентам Университета, Академии и Технического Института» — напечатал Нечаев, и другую прокламацию под названием «Русским студентам» — Николай Огарев, близкий товарищ Герцена и Бакунина. Остальные — «Постановка революционного вопроса», «Принципы Революции», «Издание Общества „Народная Расправа“ № 1» (включающее две статьи, датированные летом 1869 г.) — все были неподписаны, и их авторство окончательно не установлено. Превознося безоглядное разрушение во имя революции, они проповедуют оправдание любых средств, ведущих к революционному исходу. «Постановка революционного вопроса» заслуживает особого внимания из-за своих панегириков разбою в явно бакунинских терминах и выражениях: «Только разбойник в России — истинный революционер — революционер без болтовни, без книжной риторики, без фразерства — непримиримый, неукротимый революционер действия... Близятся годовщины Стеньки Разина и Пугачева: подготовимся же к празднику!»

Авторство «Принципов Революции» (эта работа, вероятно, принадлежит перу Нечаева) особенно важно, потому что она сильно похожа по стилю на «Катехизис революционера»: «Мы не признаем другой деятельности, кроме работы по истреблению, но мы допускаем, что формы, которые примет эта деятельность, будут весьма различны — яд, нож, веревка и т. д. В этой борьбе революция одинаково освящает все формы действия». «Народная Расправа» № 1, с ее призывами к крестьянской революции а la Разин и Пугачев и с критикой «самозванных учителей» народа, чьи учения подрывают и истощают животворные «народные соки», носит отличительные признаки как Бакунина, так и Нечаева, однако призыв последовать примеру Ишутина и его группы более характерен для «юного дикаря»: «Ишутин проявил инициативу; и сейчас время для нас начать, пока его горячие следы не

остыли». Профессор Конфино, к несчастью, ничего не сообщает об авторстве этих неподписанных прокламаций, и остается лишь надеяться, что Артур Ленинг прольет новый свет на это вопрос в своем предстоящем труде о 1869 г.

В промежуток времени между апрелем и августом 1869 г. был написан пресловутый «Катехизис революционера», ставший с тех пор объектом жарких споров и дискуссий. Намеченный ранними документами европейского революционного движения, он выражает цели и чувства, которые уже были выражены Заичневским и Иштутиным в России и карбонариями и «Молодой Италией» на Западе. Однако, доводя до последней крайности безжалостность и аморализм своих предшественников, этот документ представляет собой законченное утверждение того революционного направления, которое захватило ведущее место в революционной истории более чем на сто лет. В «Катехизисе» революционер изображен как законченный аморалист, совершающий преступление и предательство, подлость и обман, приводящие к разрушению существующего строя. Вот почему Николас Уолтер осудил «Катехизис» как «скорее отвратительный, чем революционный документ», выражающий «чистый, тотальный, фанатичный, разрушительный, нигилистический, саморазоблачающийся революционаризм».

«Катехизис» включает в себя две части: первую — «Основные принципы организации», включающую 22 параграфа, и вторую — «Принципы поведения революционеров», с 26 параграфами, разбитыми на три главы: «Отношение революционера к самому себе», «Отношение революционера к товарищам по революции» и «Отношение революционера к обществу».

Часть вторая, более известная, широко публиковалась на многих языках и в разных изданиях, в то время как часть первая, по моим сведениям, никогда не переводилась на английский, хотя полный французский перевод был включен в труд Конфино, указанный в библиографическом указателе. Первоначальный вариант «Катехизиса», написанный шифром, латинскими буквами, был перевезен Нечаевым в Россию в августе 1869 г. Он был обнаружен полицией при аресте соратников Нечаева, последовавшем тремя месяцами позже и был использован как улика против них на суде. Подлинная рукопись, которая была впервые опубликована в «Правительственном вестнике» в июле 1871 г., погибла в огне во время пожара в Министерстве Юстиции в 1917 г.; но текст был переиздан в 1924 г. в журнале «Борьба классов» с копий, найденных в архиве царской тайной полиции.

Вторая часть катехизиса была опубликована во Франции марксистами в 1873 г. во время их кампании против Бакунина в Первом Интернационале. Первый английский перевод был опубликован в 1939 г. в «Апостолах революции» Макса Номеда, и еще раз появился перевод второй части в 1957 г. в «Террористах» Роберта Пейна (книга переиздана в 1967 г. в расширенном варианте под названием «Крепость»). Обширные выдержки из «Катехизиса» содержатся в книге «Корни революции» Франко Вентури (1960); и между 1969 и 1971 гг. появились по крайней мере три памфлета, включающие в себя «Катехизис»: первое было выпущено партией «Черные пантеры» в Беркли, Калифорния, с предисловием Элдриджа Кливера; второе — издательством «Кропоткинский маяк» в Лондоне с предисловием Николаса Уолтера (оба издания воспроизводят перевод Номеда), и, в новом переводе, как «Красный памфлет» № 1 с неподписанным предисловием и без обозначения места издания.

«Революционер — человек обреченный» — такими словами, напоминающими Ишутина, начинается вторая часть «Катехизиса». «У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией» (параграф 1). Он изучает химию и другие естественные науки с целью уничтожения своих врагов (пар.3). Он порвал все связи с общественным строем, с образованным миром и с общепринятой моралью. «Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.» (пар.4) «Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неустойчиво к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.» (пар.6) Революционная организация должна составить список лиц, подлежащих истреблению (пар.15) и, «прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации» (пар.16). Революционер должен заманивать в свои сети людей с деньгами и влиянием и «сделать их своими рабами» (пар.18). Что касается либералов, то революционер должен делать вид, «что слепо следует за ними, а, между тем, прибирать их к рукам, овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен...» (пар.19). Последние параграфы повторяют зажигательные призывы посланий «Несколько слов к нашим молодым братьям», «Постановка революционного вопроса» и «Принципы революции»: «Наше дело — разрушение, страшное, полное, повсеместное и беспощадное» (пар.24). «Мы должны соединиться с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России» (пар.25).

Авторство «Катехизиса» было предметом длительных и ожесточенных споров. При отсутствии решающих доказательств, ученые, враждебно относящиеся к анархистам, обычно приписывали его Бакунину, в то время как другие приписывали его Нечаеву, и, наконец, третьи приписывали его обоим, как результат их сотрудничества в 1869 г. Так, издание «Кропоткинского маяка» называло автором Нечаева, в то время как издания и «Черных пантер» и «Красного памфлета» называли автором Бакунина, а анонимный издатель последнего утверждал, что «миф о том, что его написал Нечаев, был изобретен мелкобуржуазными псевдо-„анархистами“, которые ревизовали Бакунина». Такие выдающиеся ученые, как Макс Неттлау, Э.Х.Карр и Франко Вентури на Западе и Б.П.Козьмин в Советском Союзе, приписывали «Катехизис» Бакунину, потому что имелись признания товарищей Бакунина, З.К.Ралли и Михаила Сажина (Армана Росса), которые утверждали, что видели копию рукописи «Катехизиса», написанную рукой Бакунина. Некоторые, включая Карра, доказывали, что «Катехизис» напоминает бакунинский стиль, и что катехизис был одной из любимых Бакуниным форм изложения (так, в 1866 г. он опубликовал «Революционный катехизис»). С другой стороны, катехизис, как литературная форма, широко использовался как революционерами в России, так и на Западе в течение всего XIX в. Профессор Конфино, кроме того, утверждает, что сравнение «Катехизиса революционера» с бакунинским, более ранним, «Революционным катехизисом», показывает, что они «сильно отличаются» по стилю и терминологии. Как по форме, так и по содержанию — первый из них, вероятнее всего, появился из среды революционного студенчества внутри

России в 1860-е гг., из среды, в которой Бакунин, в отличие от Нечаева, не принимал участия, — нежеле, чем из среды старшего поколения эмиграции, живущего в Швейцарии.

Важное новое доказательство в решении этого вопроса содержится в письме Бакунина к Нечаеву от 2-9 июня 1870 г., находящееся в Архиве Натальи Герцен в Национальной Библиотеке в Париже и впервые опубликованное Конфино в 1966 г. в «Тетрадах по советской и русской жизни» (*Cahiers du Monde Russe et Soviétique*). Это письмо длиннее и интереснее из писем, которое когда-либо написано Бакуниным, писавшееся на протяжении восьми дней и занимающее более тридцати страниц мелко и плотно напечатанного текста. Оно занимает центральное место в трудах и Ленинга и Конфино, а мы подробнее расскажем о нем ниже. В нем Бакунин специально отрекается от того, что он называет «вашим катехизисом», вместе с нечаевской «иезуитской системой» в целом. На основании этого заявления теперь авторство «Катехизиса» должно быть установлено как нечаевское, хотя это не означает определенно того, что Бакунин не играл роли в его написании или доработке. Так как он был написан в период близкого сотрудничества между этими двумя людьми, то, даже если фактическое авторство принадлежит Нечаеву, Бакунин, возможно, помог ему в написании и редактуре. Это, по всей видимости, объясняет встречающуюся в нем изредка бакунинскую фразеологию, также как существующие утверждения о копии, написанной рукой Бакунина. Письмо Бакунина к Нечаеву от 2 июня 1870 г. подтверждает, что он был близко знаком с ним во время написания «Катехизиса» — во время, когда он был в наибольшей степени под влиянием Нечаева — и, что чрезвычайно важно, «Катехизис» не вызывал сколько-нибудь значительного протеста со стороны Бакунина вплоть до его ссоры с Нечаевым, последовавшей годом позже.

Дело Иванова

До возвращения Нечаева в Россию с рукописью «Катехизиса», он уже начал воплощать в жизнь его положения. Уже обманув своих товарищей по революционному движению выдуманным рассказом о своем аресте и бегстве, он теперь отправил компрометирующие письма и революционную литературу своим наиболее умеренным знакомым в России, для того, чтобы скомпрометировать их перед властью и, в соответствии с параграфами 18 и 19 «Катехизиса», вовлечь их глубже в радикальную деятельность. Между мартом и августом 1869 г. были перехвачены не менее 560 посылок, адресованных 387 лицам — и это только в Санкт-Петербурге! Следуя тем же принципам, Нечаев позднее украл частные письма и бумаги Бакунина и его окружения с целью оказывать влияние на них, и даже совершил убийство, чтобы подчинить своих сообщников своей воле. Все это было частью системы тотального пренебрежения порядочностью, которая вошла в революционную историю под именем «нечаевщины».

Между тем, Бакунин отчасти потворствовал его мистификациям. В мае 1869 г. он выдал Нечаеву удостоверение, назначавшее его «одним из уполномоченных представителей Русской Секции Всемирного Революционного Альянса, N 2771». Подписанный Бакуниным мандат был скреплен печатью «Европейского Революционного Альянса, Центрального Комитета» — явная выдумка, похожая на ту, что уже использовали Ишутин и Нечаев, и предназначенная для того, чтобы создать впечатление всемирной революционной сети.

Таким образом, Нечаев, самоназвавшийся (Бакунину — прим. перев.) представителем, вероятно, несуществующего Русского революционного комитета, в свою очередь получил от Бакунина полномочия — действовать в России, представляя несуществующий Европейский Революционный Альянс. Э. Х. Карр метко замечает: «Это была ситуация, которая имеет несколько параллелей как в комедии, так и в истории». Кроме того, увеличивая престиж Нечаева, Бакунин уговорил Огарева посвятить ему стихотворение, написанное о студенте, который умирает мученической смертью в Сибири. По настоянию Бакунина, Огарев посвятил это стихотворение своему «юному другу Нечаеву». Стихотворение было напечатано как листовка, и осенью 1869 г. было распространено в России, где оно помогло созданию нечаевской легенды.[2]

В конце августа 1869 г. Нечаев вернулся в Россию, «вооруженный» стихотворением, «Катехизисом» и благословениями Бакунина и Огарева. Прибыв в Москву, он приступил к организации революционного общества под названием «Народная Расправа», — с тем же названием, что и одна из брошюр, изданных в Женеве — в духе принципов, изложенных в «Катехизисе». Это было тайное, дисциплинированное общество, организованное в группы — «революционные пятерки» (как в «Аде» Ишутина и в первой организации «Земля и Воля» 1860-х гг., а также в тайных обществах Западной Европы) с безоговорочным повиновением каждого члена общества — вождю, который, в свою очередь, получал приказы из центрального комитета. Главной целью общества было произвести народный переворот 19 февраля 1870 г., в девятую годовщину освобождения крепостных, и на его официальной печати был изображен топор со словами «Комитет „Народной Расправы“, 19 февраля 1870 года». Организация возглавлялась лично Нечаевым, который, как свидетельствуют все источники, требовал абсолютного и слепого послушания от своих товарищей, которым он выдал мандаты от имени несуществующего центрального комитета. Нечаев заставлял членов общества шпионить друг за другом и поощрял использование вымогательства и шантажа для добывания денег на революционное дело.

Такие методы оказались слишком отвратительны для одного из самых способных членов организации, студента Петровской Сельскохозяйственной Академии с невероятным именем Иван Иванович Иванов. Иванов был честным и умным членом кружка, действовавшего в Академии, который активно участвовал в студенческом движении, посвящал все свое время обучению крестьянских детей и имел значительное влияние на своих товарищей-революционеров. Однажды он открыто выступил против порядков, вводимых Нечаевым, усомнился в существовании центрального комитета, от имени которого выступал Нечаев и, возможно, даже угрожал создать новую революционную группу, основанную на более демократических принципах, что Нечаеву трудно было вытерпеть. Во всяком случае, Нечаев ухитрился убедить некоторых из своих последователей, что Иванов собирается донести на них, и что, в соответствии с параграфом 16 «Катехизиса» («прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации») было необходимо покончить с ним.

В ночь на 21 ноября 1869 г., Иванова заманили в грот в парке Сельскохозяйственной Академии под предлогом того, чтобы откопать тайную типографию. Здесь на него набросились Нечаев и четверо его сообщников и ударили его. Нечаев попытался задушить его, но Иванов отчаянно кусал его руки, и тогда он вытащил пистолет и разрядил его в

голову Иванова. К трупам был привязан камень, и он был брошен через отверстие в гроте в ближайший пруд. Таким способом Нечаев устранил потенциального противника и одновременно обеспечил подчинение своей власти товарищей по совершенному преступлению. Это был крайний пример его техники добиваться повиновения путем вовлечения товарищей в преступления. Их единственная жертва, однако, была не агентом властей, но одним из членов их собственной организации, который вызвал вражду их вожака.

Убийство Иванова произвело огромную сенсацию. Достоевский использовал это происшествие в качестве сюжета для своего романа «Бесы», где Верховенский представлял Нечаева, а Шатов — Иванова. Обнаружение тела Иванова через четыре дня после убийства привело к аресту трехсот революционеров и, в итоге, к суду над восьмьюдесятью четырьмя «нечаевцами» летом 1871 г. Одним из осужденных был зять Петра Лаврова Михаил Негрескул, который до этого противостоял нечаевской тактике в Санкт-Петербурге, и который был среди тех, кого Нечаев сумел скомпрометировать, отправив революционные прокламации из Швейцарии. Негрескул был заключен в Петропавловскую крепость, заболел там туберкулезом легких и наконец умер, находясь под домашним арестом в феврале 1870 г. Нечаев тем временем ускользнул из Москвы в Санкт-Петербург, где он раздобыл паспорт и успешно совершил переход границы в декабре 1869 г., оставив своих товарищей ожидать приговора суда.

Ссора

12 января 1870 г. Бакунин, живший в Локарно, получил письмо от Огарева, сообщавшее, что Нечаев прибыл в Женеву. Бакунин так сильно обрадовался, что «едва не пробил потолок своей старой головой». В скором времени Нечаев приехал в Локарно, и эти два человека возобновили свое сотрудничество, выпустив два манифеста, обращенные к российскому дворянству — первый из них, вероятно, был написан Бакуниным, второй — Нечаевым. Нечаев также напечатал второй номер «Народной Расправы» (датированный зимой 1870 г.), а также шесть выпусков «Колокола» в апреле и мае 1870 г.[3]

Для финансирования этих изданий Нечаев использовал средства из так называемого «Бахметьевского фонда», переданного Александру Герцену молодым русским дворянином, который в 1858 г. уехал на южные острова Тихого Океана — основывать утопическую коммуны. Когда Герцен встретился с Нечаевым в Женеве в 1869 г., он инстинктивно почувствовал к нему антипатию. Но, под давлением Бакунина и Огарева, он уступил половину фонда, большая часть которой была передана Нечаеву, который использовал эти средства на финансирование своей революционной деятельности по возвращении из России. Когда Герцен умер в январе 1870 г., Бакунин убедил Огарева потребовать остаток фонда у семьи Герцена. Сын Герцена передал его, и через Огарева все это перешло к Нечаеву, который отказался подписать расписку своей подписью, но принял деньги от имени несуществующего центрального комитета.

В это время Бакунин испытывал финансовые затруднения. Он принял предложение русского издателя Полякова перевести «Капитал» Маркса и получил за перевод аванс в 300 рублей,

но он был не в силах успешно продвигаться в выполнении этого дела. 17 февраля 1870 г. Нечаев написал угрожающее письмо русскому студенту Любавину, который выступал посредником между Бакуниным и Поляковым, требуя оставить Бакунина в покое и освободить от всех обязательств.[4] Письмо, написанное на бланке Центрального Комитета Народной Расправы и украшенное печатью с топором, кинжалом и пистолетом, было позднее использовано Марксом для дискредитации Бакунина и его исключения из Интернационала.

Немного позднее, однако, отношения между Бакуниным и Нечаевым начали ухудшаться. Последовавший за ними разрыв, как показали Ленинг и Конфино, был сложным процессом, включавшим психологический, финансовый, политический, моральный и идеологический факторы. Во время второго пребывания Нечаева в Швейцарии отношение его к Бакунину было несколько иным, чем год назад. По свидетельству Ралли, он больше не выказывал почтения к своему учителю. Напротив, он требовал, чтобы к нему относились как к единственной личности, представляющей серьезную революционную организацию. Он обходился с Бакуниным все более и более грубо, даже отказал ему в деньгах из Бахметьевского фонда на его повседневные нужды. Он жаловался Сажину, что Бакунин не имеет больше «нужной энергии и самоотречения, требующихся истинному революционеру»: отражение конфликта поколений — дети против отцов, «шестидесятники» против «людей сороковых годов» — внутри народнического движения. Он начал и в самом деле запугивать Бакунина так, как предписывал «Катехизис» обходиться с либералами — запугивать их после того, как получишь от них все, что нужно. Он стремился применить в отношении Бакунина и его друзей свои авторитарные методы, заходя в этом так далеко, что воровал их частные письма и бумаги для того, чтобы шантажировать их или манипулировать ими в будущем («следует прибирать их к рукам, овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен» — параграф 19 «Катехизиса»).

Надежды Бакунина были разбиты вдребезги. Его гордость дорого заплатила за его слепое увлечение «боем». «Если вы представите его другу, он начнет немедленно сеять вражду, скандалы и интриги между вами и вашим другом и посорит вас.» — писал Бакунин. «Если у вашего друга есть жена или дочь, он постарается соблазнить ее и сделать ей ребенка для того, чтобы вырвать ее из-под власти общепринятой морали и обратить ее, вопреки ей самой, к революционному протесту против общества.» (Именно таким было поведение Нечаева в отношении Натальи Герцен, — как описано в ее дневнике.) Тем временем из России прибыл Герман Лопатин и сообщил правду об убийстве Иванова, объяснив, что шрамы на пальце Нечаева были смертными знаками, оставленными его жертвой, и разоблачив вымышленный нечаевский центральный комитет и его хвастливое «бегство из крепости».

Кульминационный момент разрыва наступил вместе с письмом от Бакунина к Нечаеву от 2 июня 1870 г., английский перевод которого (сделанный Лидией Ботт) был опубликован в журнале «Энкаунтер» в июле-августе 1972 г. по записям профессора Конфино. Письмо было не «открыто» Конфино, как заявляет «Энкаунтер», хотя он был действительно первым, кто опубликовал его. О том, что оно существует и находится в Национальной Библиотеке, было известно, и Артур Ленинг изучал его в 1962 г. вместе с другими документами по этому делу, находящимися в архиве Натальи Герцен. Кроме того, отмечает «Энкаунтер», Конфино

ошибся, заявив, что это единственное письмо от Бакунина к Нечаеву, дошедшее до нас, ибо имеется еще одно — короткое — от 11 мая 1870 г., приведенное в труде Ленинга. Однако, как бы то ни было, Конфино правильно называет это письмо одним из наиболее необыкновенных документов в истории революционного движения XIX столетия. Это определяется не только тем, что оно проливает свет на авторство знаменитого «Катехизиса», но также проясняет причины разрыва Бакунина с Нечаевым, помогает нам понять различие их взглядов на тайные организации и, сверх всего прочего, освещает вопрос революционной этики — взаимоотношения между средствами и конечной целью — который всегда вставал перед революционерами.

Бакунин, выражая свое разочарование и почти невыносимое унижение, пишет с потрясающим чувством и силой. Он жалуется Нечаеву, воспользовавшемуся тем, что «веря в Вас безусловно, в то время как вы меня систематически надували, я оказался круглым дураком — это горько и стыдно для человека моей опытности и моих лет, — хуже этого, я испортил свое положение в отношении к русскому и интернациональному делу.» В вопросе о революции Бакунин решительно отвергает нечаевское якобинство и бланкизм — его веру в необходимость захвата власти революционным меньшинством и в организацию революционной диктатуры — выступая, вместо этого, за стихийный массовый переворот, совершаемый самим народом: «Всякая другая революция, по моему глубочайшему убеждению, бесчестна, вредна, свободо— и народоубийственна...»

Какова, в таком случае, роль революционной организации? Нечаевская концепция ошибочна, ибо prepares новых «угнетателей народа», «убивает в них всякое человеческое чувство», и «воспитывает в них ложь, недоверие, шпионство и доносы...» Истинно революционная организация, утверждает Бакунин, «не навязывает народу никаких новых постановлений, порядков, форм жизни, а только разнуздывает его волю и дает широкий простор его самоопределению и его экономически-социальной организации, которая должна быть создана им самим, снизу вверх, а не сверху вниз». Революционная организация должна «на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было государственной власти над народом — даже самой революционной, по-видимому, даже вашей, — потому что всякая власть, как бы она ни называлась, неизменно образом подвергла бы народ старому рабству в новой форме.»

«Я вас глубоко любил и до сих пор люблю, — писал Бакунин, — но вы должны отказаться от вашей лживой иезуитской системы», вашей «системы обмана, которая все в большей степени становится вашей единственной системой, вашим новым оружием и средством, и которая является фатальной для самой себя».

Таков был призыв Бакунина к его своенравному последователю. Но его собственный отказ от «нечаевщины» был еще далеко не полным. При всем его разочаровании, его отношение к Нечаеву оставалось двойственным. Нечаев, в его глазах, оставался преданным революционером, который действовал, в то время как другие только болтали, революционером энергичным, упорным, смелым и с сильной волей, все еще сохраняющим огромную привлекательность. «Вы — страстно преданный человек; Вы — каких мало; в этом ваша сила, ваша доблесть, ваше право.» Если вы измените ваши методы, добавляет он, «я желал бы не только остаться в соединении с Вами, но соединиться еще теснее и крепче».

Бакунин послал похожее послание Огареву и его друзьям: «Главное дело данного момента — сохранить нашего заблуждающегося и запутавшегося друга. В злобе на всех, он остается ценным человеком, и мало есть столь же ценных людей на свете... Мы любим его, мы верим в него, мы предвидим, что его будущая деятельность должна быть чрезвычайно полезной для народа. Вот почему мы должны отвлечь его от его ложного и гибельного пути.»

Итак, несмотря на все раны, уязвляющие самолюбие Бакунина, на все его недовольство принципами и тактикой Нечаева, так сильна была любовь Бакунина к его «тигрёнку», что он был неспособен решительно порвать с ним, несмотря на обманы и унижения, откровенный аморализм «Катехизиса» и даже на убийство Иванова. Кроме того, тогда еще между ними оставалось так много общего. Их программа, признавал Бакунин, была «действительно одинакова». И только после того, как Нечаев начал использовать свои бесчестные методы против самого Бакунина, тот высказал к ним отвращение.

Бакунин не меньше, чем Нечаев, имел тягу к конспирации и тайным организациям. При всех его нападках на революционную диктатуру, он оставался неутомимым адвокатом тайно связанной революционной ассоциации, сочетавшейся с безграничным повиновением революционному вождю. Некритические поклонники Бакунина неубедительны, когда они утверждают, что его упоминания о «железной дисциплине» или о «невидимой диктатуре» случайны или нехарактерны, или что они отсутствовали в период, когда его анархистские теории были полностью развиты, или что они высказаны в то время, когда он был под пагубным влиянием Нечаева. Напротив, конспирация была красной нитью на всем его революционном пути. Не зря же он хвалил Буонарроти как «величайшего конспиратора своего века».

Через всю свою взрослую сознательную жизнь, от 1840-х до 1870-х гг., Бакунин пытался создавать тайные общества, беря за образец подобные общества на Западе. В 1845 г. он стал франкмасоном. А в 1848 г. он призвал создавать тайные организации, состоящие из групп по три и пять человек, которые были бы «построены по принципу жесткой иерархии и безоговорочного повиновения центральному контролю». Не отказался он от этой цели и в последующие годы. В течение 1860-х гг. он организовал целый ряд тайных обществ: Флорентийское Братство (1864), Интернациональное Братство (1866), Интернациональный Альянс Социалистической Демократии (1868) — и детально разработал принципы и правила, регулирующие поведение их членов. Организация создавалась как «подобие генерального штаба», работающего «невидимо в массах» и остающегося в целостности и сохранности даже и после революции, и она предназначалась для того, чтобы предупредить возникновение какой-либо «официальной диктатуры». Этот штаб должен был представлять из себя «коллективную диктатуру», диктатуру «без внешних знаков, без званий, без официальных прав, и более могущественную именно потому, что у нее отсутствуют внешние проявления власти». Ее члены, провозглашал Бакунин языком, напоминающим «Катехизис», должны подчиняться «строгой дисциплине», нарушения которой должны рассматриваться как «преступления», наказываемые «исключением, сочетающимся с местью, следующей ото всех членов общества». Впоследствии, в 1872 г. он все еще писал: «Наша цель — создание всемогущей, но всегда невидимой организации, которая должна подготовить революцию и возглавить ее.»

Та же позиция представлена в его письме к Нечаеву. Народная революция, повторяет он, должна быть «незримо возглавлена, но не официальной диктатурой, но безвестной и коллективной диктатурой, состоящей из людей, преданных делу полного народного освобождения от всякого угнетения, крепко сплотившихся в тайном обществе и всегда и повсюду действующих ради общей цели и в соответствии с общей программой». Он говорит о революционной организации как о «штабе народной армии» и добавляет, вновь словами «Катехизиса», что она должна быть составлена из «самых страстно, непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись, по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на свою жизнь по самую смерть от всего, что прельщает людей, от всех материально-общественных удобств и наслаждений и от всех удовлетворений тщеславия, чинолюбия и славолюбия, были бы единственно и всецело поглощены единой страстью всенародного освобождения...»

Организация, сверх того, должна иметь исполнительный комитет и требовать железной дисциплины от его членов. Парадоксально, — этот комитет должен быть морально-чистым авангардом, но в определенных случаях — здесь вновь язык «Катехизиса» — прибегать к лжи и обману, особенно против соперничающих революционных групп: «Общества, близкие по цели нашему обществу, должны быть принуждены к слитию с ним, или, по меньшей мере, должны быть подчинены ему без своего ведома... Всего этого одною пропагандою истины не сделаешь — необходима хитрость, дипломатия, обман. Тут место и иезуитизму, и даже опутыванию... Итак, в основании всей нашей деятельности должен лежать этот простой закон: правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении к каждому человеку, который способен быть и которого Вы бы желали сделать братом; ложь, хитрость, опутывание, а по необходимости и насилие — в отношении к врагам.» Следовательно, бакунинские методы не столь уж далеко ушли от нечаевских. Главное отличие, возможно, в том, что Нечаев действительно положил их в основу своей практики — включая шантаж и убийство, направляя их как против врагов, так и против друзей — в то время как Бакунин ограничивался простыми словами или такими относительно безвредными мистификациями, как всемирный революционный альянс, от имени которого он претендовал выступать.

Тюрьма

После их ссоры летом 1870 г., Бакунин и Нечаев никогда больше не встречались друг с другом. Нечаев уехал в Лондон, где он издавал журнал под названием «Община», в котором он требовал от Бакунина и Огарева остатки Бахметьевского фонда. После посещения Парижа накануне Коммуны, он вернулся в Лондон, затем вновь переехал в Швейцарию, где он зарабатывал себе на существование старой отцовской профессией художника по вывескам, и где его приютили на время итальянские ученики Мадзини. Царское правительство, однако, решило схватить его, и истратило на его поимку больше денег и усилий, чем на кого бы то ни было из других революционеров XIX в. Бакунин послал Нечаеву предостережение о том, что власти следят за ним, но Нечаев проигнорировал это предостережение, убежденный в том, что его старый ментор просто «старается выпихнуть [меня] из Цюриха». Наконец, 14 августа 1872 г., Нечаев был предан швейцарской полиции Адольфом Стемпковским, бывшим польским революционером, который стал российским

шпионом. Немного позже он был выдан России как заурядный убийца, несмотря на энергичные протесты со стороны его сотоварищей-эмигрантов (Бакунин был среди них), относительно того, что он был фактически политическим эмигрантом.

2 ноября 1872 г. Бакунин так выразил свою симпатию к Нечаеву в замечательном письме к Огареву, которое заслуживает того, чтобы привести из него пространную цитату: «Мне глубоко жаль его. Никто никогда не причинил мне умышленно так много вреда, как он, но мне все равно жаль его. Он был человеком редкой энергии, и когда мы встретились здесь, в нем пылало очень горячее и очень чистое пламя за наш бедный угнетенный народ; наше историческое и нынешнее национальное бедствие причиняло ему подлинное страдание. В это время его наружное поведение было достаточно отвратительным, но его внутреннее „я“ не было грязным. В нем был и авторитаризм, и необузданное своеобразие, которые, к несчастью, вместе с его невежеством и с его макиавеллизмом и с его иезуитскими методами, наконец, безвозвратно затянули его в трясину... Однако, внутренний голос говорит мне, что Нечаев, который навеки погиб и наверняка знает, что он погиб, будет теперь звать из той пучины, в которой он ныне находится — покореженный и запачканный, но отнюдь не подлый и заурядный, со всей своей первобытной энергией и отвагой. Он погибнет как герой и никого и ничего не предаст. Таково мое убеждение. Мы увидим, прав ли я.»

Завершение нечаевской истории может быть изложено кратко. На суде в Москве в январе 1873 г. он держался с непреклонной непокорностью. «Я отказываюсь быть рабом вашего тиранического правительства, — заявил он. — Я не признаю Императора и законов этой страны.» Он не отвечал ни на какие вопросы и был стащен со скамьи подсудимых, крича: «Долой деспотизм!» После того, как он был приговорен к двадцати годам каторги, он заявил о себе как о «сыне народа» и призывал Разина и Пугачева, «которые вешали дворян, как во Франции отправляли их на гильотину». На церемонии «гражданской казни», последовавшей за его судом, он кричал: «Долой царя! Да здравствует свобода! Да здравствует русский народ!»

Последние десять лет жизни Нечаев провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости, из которой он, по его ложному заявлению якобы бежал в 1869 г. Его поведение в заключении, как сказал Макс Номад, было «одним из величайших эпизодов революционной истории». Когда генерал Потапов из тайной полиции посетил его тюремную камеру и предложил ему снисхождение, если он согласится стать предателем, Нечаев ударил его по лицу, разбив его до крови. На протяжении следующих двух лет его руки и ноги оставались закованными в цепи, до тех пор, пока его тело не начало гнить.

Однако, дух Нечаева не был сломлен. В самом деле, даже в тюрьме он был способен воздействовать своим харизматическим обаянием на других, привлекая на свою сторону свою собственную охрану, которая начала называть его своим «орлом». Он давал читать им нелегальный журнал партии «Народная Воля» и даже учил их, как писать зашифрованные письма. С их помощью, фактически, он получил возможность установить связь со многими своими братьями-заключенными и, время от времени, с внешним миром, отправляя письма Исполнительному Комитету «Народной Воли», накануне убийства Александра II. Вера Фигнер говорит в своих мемуарах об их (членов ИК — прим. перев.) волнении, когда они

узнали, что Нечаев был все еще жив и находился поблизости — в Петропавловской крепости, а не в Сибири, на которую он был осужден. Их планы освободить его были, однако, отсрочены из-за того, что Исполнительный Комитет сконцентрировал всю свою энергию против царя. После казни царя, «Народная Воля» была разгромлена, а взаимоотношения Нечаева с его охраной были открыты, благодаря предательству одного из его товарищей по заключению. В результате, более шестидесяти тюремных солдат были арестованы и преданы суду, в то время как Нечаев был переведен на смертельные условия режима, которые быстро и окончательно разрушили его здоровье. Он умер от туберкулеза легких и цинги 21 ноября 1882 г., в возрасте 35 лет, погибнув «как герой», как и предсказывал Бакунин.

Заключение

Как же можно оценить Нечаева?

Был ли он абсолютным негодяем без каких бы то ни было достоинств, или же — преданным революционером, несправедливо оклеветанным его завистниками?

В некоторой степени, конечно, он остается загадкой, и его полная биография, основанная на всех имеющихся в наличии источниках должна быть поразительной, и она стоит того, чтобы ее создать. Между тем, однако, некоторые выводы могут быть сделаны. Говоря о его положительных сторонах, нельзя отрицать его отвагу и преданность. Он был наделен, говоря словами Сажина, «колоссальной энергией, фанатичной преданностью революции, стальным характером и неутомимой способностью к работе». Он прожил свою жизнь в бедности и крайнем самоотречении. Из денег, которые он получил из Бахметьевского фонда, он не взял себе ни копейки. Нельзя также подвергать сомнению искренность его революционного пыла или его ненависть к привилегиям и эксплуатации. Он заплатил за это заключением в подземелье, почти в течение трети своей жизни, — удел, который он нес с терпением и благородством, непревзойденными в анналах революционного мученичества.

Но его самоотверженная одержимость носила грубый и безжалостный характер. Она не сдерживалась сердечностью и человеческим состраданием, которыми Бакунин обладал в таком изобилии. Нечаев победил влияние сострадания при помощи своей чудовищной энергии, рассчитанного аморализма и безграничной ненависти к власти имущим и ко всем тем, кого он считал своими врагами. Его главными недостатками, писал Лев Дейч, были «безграничная уверенность в своей собственной непогрешимости, полное пренебрежение к человеческому существованию и систематическое применение того принципа, что цель оправдывает средства». Он относился ко всем мужчинам и женщинам как к простым орудиям в революционной борьбе, а поэтому он отрицал самооценку и достоинство их личности, считал их совершенно одинаковыми. С начала его пути, писал Альбер Камю в «Бунтующем человеке», «его жертвами были окружавшие его студенты, революционеры-эмигранты во главе с Бакуниным и, наконец, его тюремная стража...» Ему ничего не стоило подвести непреклонных радикалов под полицейское подозрение ради того, чтобы еще глубже вовлечь их в свою конспиративную деятельность. Он поднимал революционную целесообразность до уровня абсолютного блага, перед которым должны отступить все

соображения нравственности. В интересах революции, в определении которых он считал себя единственным судьей, любое действие было оправдано, любое преступление было узаконено, как бы отвратительно оно ни было. Он применял воровство, шантаж и убийство, и это же он проповедовал своим товарищам по конспирации. Более того, он использовал эти средства против друзей точно так же, как и против врагов. «Он обманывал каждого, кого он встречал, — пишет Э. Х. Карр, — и когда он был не в состоянии обмануть их, его власть исчезала.» Его оригинальность, как подчеркивал Камю, заключалась «в том, что он вознамерился оправдать насилие, обращенное к собратьям».

Таким образом, он несомненно предвещал, только в небольших масштабах, массовые убийства, устроенные Сталиным во имя революционной необходимости.

Короче, в то время, как Бакунин, при всех его недостатках, был по своей сущности либертарием, Нечаев, при всех своих достоинствах, был по своей сущности авторитарием. Его подлинными учителями были не Фурье, Прудон и Бакунин, но Робеспьер, Бабеф и Ткачев, чьи якобинские принципы он применял и развивал до их крайних пределов. Далекий от того, чтобы быть анархистом, он был апостолом политической целесообразности, которая имеет больше общего со средствами конспирации и с централизованной организацией, чем с созданием безгосударственного общества. Его якобинство и макиавеллизм фундаментально противоречат духу свободы, окружая анархизм аурой жестокости и безжалостности, которая была чужда его глубинному гуманизму. В руках Нечаева анархизм, идеал свободы и самоценности личности, был запачкан, принижен и, наконец, искажен до неузнаваемости.

Однако Нечаев оказал глубокое влияние на революционное движение, — как на анархистов, так и на не анархистов. Показав его в качестве убийцы товарища по революционному движению, не говоря уже о воре и шантажисте, его злодейства в то же время были некоторым органическим продолжением его преданности и самопожертвования. Так, «Народная Воля» ставила его отвагу и революционную одержимость выше темных сторон его деятельности; и Ленин, который восхищался его организационными талантами и самоотверженной преданностью делу, хвалил его как «титана революции». Во время революций 1905 и 1917 гг. образ Нечаева очаровал некоторых крайне левых молодых боевиков, которые, в своем увлечении революционной конспирацией, в своих террористических методах и в своей крайней враждебности по отношению к интеллигентам, несли в себе специфические черты своего учителя.

Кроме того, такие современные группы, как «Черные пантеры», «Черный сентябрь», РАФ (Фракция Красной Армии) и другие — применяли методы Нечаева, включая беспорядочный террор и подчинение средств цели — во имя революционного дела. Лидер «Черных пантер» Элдридж Кливвер писал в «Человеке на льду», что он был «влюблен» в «Катехизис революционера» и приводил его в качестве революционной Библии, применяя его принципы в своей повседневной жизни и используя «тактику беспощадности в моих отношениях со всеми, с кем я вступал в контакт». («Катехизис» был издан «Черными пантерами» в виде брошюры в 1969 г. в Беркли с предисловием Кливвера.) Другая террористическая группа в США напала и убила (с использованием пуль с наконечниками, смазанными цианистым калием) управляющего школой в Окленде, Калифорния, и несколько ее членов порвали с

этой организацией из-за ее «привязанности к насилию и эгоцентрической настойчивости ее руководства в принятии секретных решений». Даже убийство Иванова, достаточно страшное, имело свой аналог в убийстве человека, огульно обвиненного в доносительстве, группой «Черные пантеры» в 1969 г. в Нью-Хэвене и в резне, устроенной в 1972 лидером «Объединенной Красной Армии» в Японии не менее чем четырнадцать членов его группы за нарушение «революционной дисциплины».

Но тактика «нечаевщины» вызвала мощное противодействие и широкую волну отвращения в среде революционного движения. В своем собственном кружке в Санкт-Петербурге в конце 1860-ых гг. Нечаев уже встретил оппонентов в таких либертарных социалистах, как Марк Натансон, Феликс Волховский, Герман Лопатин и Михаил Негрескул. Кружок чайковцев 1870-ых гг., включавший Кропоткина и Кравчинского, наряду с Натансоном, Волховским и Лопатиным — также отвергал якобинские методы Нечаева, его циничный аморализм и его диктаторскую организацию партии. В отличие от его «Народной Расправы», они добились создания атмосферы доверия и искренности и создали организацию, основанную на взаимной помощи и взаимном уважении среди ее членов. Отталкиваясь от макиавеллизма Нечаева, они доказывали, что цель, даже благородная, неизбежно обанкротится и переродится, если будут использованы такие чудовищные средства; они спрашивали, подобно Бакунину, не приведет ли воспитание групп революционеров в направлении, предложенном Нечаевым, к возникновению высокомерной элиты, стремящейся к власти, которая будет указывать народу то, чего он должен хотеть, независимо от того, хочет ли он этого в действительности или нет. Таким образом, они ставили себя в ряд либертарных социалистов: Герцена, Бакунина и Лаврова, — против авторитарной революционности Ишутина, Ткачева и Нечаева, которые, как они чувствовали, не могли способствовать истинно социалистической революции, потому что им не хватало истинно социалистической нравственности.[5]

Такую же критику позднее направил против большевиков Петр Кропоткин, в чьих устах, писала Мария Гольдсмит, «слово „нечаевщина“ всегда было сильным упреком». Как член кружка чайковцев, Кропоткин невысоко ставил самооценку организации «профессиональных революционеров» с их тайными планами, управляющими комитетами, железной дисциплиной и подчинением средств целям. Он утверждал, что «нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации». Для Кропоткина цели и средства были неразрывны, и он неизменно оставался в оппозиции ко всякой тактике, которая противоречила его принципам и целям. Также и Бакунин в своих наиболее прозорливых мыслях был внутренне противоречив. Как он писал Сажину менее, чем за два года до своей смерти: «Осознайте наконец, что ничто живое и прочное не может быть построено на иезуитском обмане, что революционная деятельность, направленная на успех, не должна искать своей опоры в низких и мелких страстях, и что революция не может достичь победы без возвышенных и чистых идей».

Примечания переводчика

1 Александр Беркман (1870–1936) — известный американский анархист. В 1892 г. во время крупной забастовки металлистов в Хомстеде, которая жестоко подавлялась полицией,

совершил покушение на (управляющего) Генри Клея Фрика, который отвечал за подавление забастовки. Покушение не удалось, а Беркман провел 14 ужасных лет в тюрьме. После выхода на свободу он продолжал быть одним из наиболее активных участников анархического движения, сначала в Соединенных Штатах, а затем, после высылки в 1919 г. (за антивоенную пропаганду) — в России и многих европейских странах. Разбитый болезнью, не желая причинять страданий своим близким, покончил жизнь самоубийством.

2 Первоначально стихотворение Н. П. Огарева «Студент» было посвящено памяти друга Огарева и Герцена математика, механика Сергея Ивановича Астракова. С посвящением Нечаеву широко распространилось в России, где стало известно Ф. М. Достоевскому, который написал на это стихотворение талантливую пародию (см. «Бесы», часть 2, глава 6) — «Светлая личность» — стихотворение, которое якобы Герцен посвятил Петруше Верховенскому (аналог Нечаева).

Н. П. Огарев. **Студент**

Юному другу Нечаеву
Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.
И гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззвание,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.»
Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен —
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнания:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.»
(1868)

Ф. М. Достоевский. **Светлая личность**

Он незнатной был породы,

Он возрос среди народа,
Но, гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданию,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.
И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие края
Из царева каземата
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.
Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!
(1872)

3 После смерти Герцена Нечаев убедил Бакунина и Огарева «продолжить» издание «Колокола», но, разумеется, этот новый, нечаевский «Колокол» (Бакунин не принял в нем никакого участия), эклектичный и недолго просуществовавший, ничего общего, кроме названия, не имел со знаменитым изданием Герцена. Подробнее об этом см. книгу Н. М. Пирумовой «Социальная доктрина Бакунина» (М., 1990), с. 190–193.

4 Это письмо, отправленное Нечаевым Любавину фактически без ведома Бакунина, заканчивалось угрожающими словами: «В противном случае придется прибегнуть к мерам, не столь деликатным». Каковы эти «меры» показывало «дело Иванова». Перепуганный издатель выполнил требования Нечаева, а письмо к Любавину, попав к Марксу, было использовано им в травле Бакунина. Всего Бакунин перевел около 300 страниц «Капитала», а завершение перевода было поручено Н. Ф. Даниельсону и Г. А. Лопатину (этот перевод вышел в 1872 г.).

5 После нечаевского дела и публикации в «Правительственном вестнике» «Катехизиса революционера», русское революционное движение получило мощную прививку от «бесовщины» и «иезуитства». Кружок чайковцев, породивший движение 1870-х гг., возник во многом отталкиваясь от нечаевщины: «генеральство», централизм в организации, аморализм в средствах стали бранными словами, — новое движение строилось на взаимном доверии революционеров, стремилось к полному нравственному и умственному развитию каждого из своих участников и безусловно отвергало принцип «цель оправдывает

средства». Вместо революционного мессианства — стремление слиться с народом, разделить его долю, учиться у него. Этому движению был присущ дух свободы, братства, равноправия и высочайшей нравственности. П. А. Кропоткин вспоминал в «Записках революционера» (М., 1988, с. 289): «В 1869 году Нечаев попытался организовать тайное революционное общество из молодежи, желавшей работать среди народа. Но для достижения своей цели он прибег к приему старинных заговорщиков и не останавливался даже перед обманом, чтобы заставить членов общества следовать за собою. Такие приемы не могут иметь успеха в России, и скоро нечаевская организация рухнула... Кружок саморазвития, о котором я говорю, возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности. Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. Вот почему кружок Чайковского, постепенно раздвигая свою программу, так широко распространился по России и достиг таких серьезных результатов. Поэтому также впоследствии, когда свирепые преследования со стороны правительства породили революционную борьбу, кружок выдвинул ряд выдающихся деятелей и деятельниц, павших в бою с самодержавием... Чайковцы не гнались за тем, чтобы набрать побольше членов. Тем меньше они стремились к тому, чтобы непременно руководить всеми многочисленными кружками, зарождавшимися в столицах и в провинции, и взять, так сказать, на откуп, все движение среди молодежи. С большинством из кружков мы были в дружеских отношениях; мы помогали им, и они помогали нам; но мы не покушались на их независимость. Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью.»

Библиография